Шаг в пропасть

Автор:

Юрий Иванович

Шаг в пропасть

Юрий Иванович

Лиходеи Апокалипсиса #1

Предсказание о конце света в 2012 году и гибели человечества – миф это или реальность? И если реальность, можно ли предотвратить грядущую вселенскую катастрофу? Чтобы ответить на эти непростые вопросы, создается международная команда экспертов, в чью задачу, кроме уже поставленной, входит также поиск гостей из иных миров и их смертоносного оружия. Участники команды не обычные люди – каждый из них обладает редкими паранормальными способностями, но даже они не могут порой предвидеть, откуда, с какой стороны следует ожидать удара и чьими руками будет он нанесен.

Юрий Иванович

Шаг в пропасть

Глава первая

Вашингтон. Июнь, 2012

Шеф ЦРУ Леон Панетта был жутко недоволен и даже не делал попыток это скрыть. На его худом лице аскета явно просматривалось раздражение, вызванное настырными посетителями. А из колючих, холодных глаз так и

неслось предупреждение: «Если вы меня побеспокоили и оторвали от дел по пустякам – я вас в порошок сотру!» Весь облик дополняла презрительная ухмылка, появившаяся с момента, когда двое ученых вошли в его кабинет и стали располагаться в креслах напротив.

А те действительно являли собой странную, несуразную парочку.

Первый был угловатый лысый мужчина баскетбольного роста, с крупными чертами лица и с прямо-таки гигантскими ладонями. Он постоянно доставал из кармана своего пиджака носовой платок, казавшийся маленьким в его ручищах, но на самом деле размером с приличную наволочку, и вытирал влажнеющие лысину и шею. Этот Дылда, как сразу окрестил его про себя шеф ЦРУ, являлся руководителем крупнейшей научно-исследовательской лаборатории, работающей в области геодезии и магнетизма, изучения радиолокационных и гравитационных поясов планеты, исследования их свойств и связанных с ними явлений. Лаборатория в последнее время была на языке у прессы в связи с гибелью исследовательского судна и многочисленных человеческих жертв при этом. И хоть страсти и споры не утихали уже целый месяц, Леон Панетта был знаком с этим происшествием поверхностно. Почти так же, как и любой обыватель, смотрящий телевизионные новости. С Дылдой, которого в миру звали Ричард Гонтери, шеф сталкивался впервые, но был наслышан о нем как о компетентном ученом специалисте и талантливом организаторе.

Вторым человеком, явившимся на прием, была женщина. И тоже с неадекватной, своеобразной внешностью. Бесцветное лицо со свисающими складками щек плавно переходило сразу в плечи (казалось, что шея отсутствует полностью) и так же плавно сливалось с тучным телом, облаченным в платье несуразных оттенков.

«Колобок!» – констатировал мысленно Леон Панетта, и его ухмылка стала вызывающе саркастическая.

Единственное, что можно было выделить у женщины, так это ее жгучие, излучающие волю и страсть глаза. Да пожалуй, прекрасное имя: Лилия Монро. Вероятно, она была однофамилицей всемирно известной киноактрисы. Хотя у той вроде фамилия Монро считалась сценическим псевдонимом. Лилия являлась руководителем проекта в НИЛ Ричарда Гонтери, и именно ее сотрудники и подчиненные погибли месяц назад вместе со злополучным исследовательским судном.

– Итак! Я вас слушаю! – Шеф ЦРУ многозначительно постучал ручкой по листку чистой бумаги, лежащему перед ним, явно напоминая о своей непомерной занятости.

Дылда прокашлялся. Чуть раньше, впуская ученых в кабинет на вытребованную с таким трудом встречу, помощники шефа ЦРУ буквально достали визитеров своими инструкциями говорить сжато и более кратко. Поэтому Гонтери тяжело вздохнул:

– Сразу хочу сказать: кратко не получится! – Он развел виновато своими ручищами. – Но постараемся!

Видя, что хозяин кабинета все с тем же недовольным видом ждет продолжения, стал объяснять:

– Два месяца назад наши исследователи обнаружили существенное изменение гравитации на участке Тихого океана, названном сейчас Новыми Бермудами. Изменения, для непосвященного, не особо существенные и почти незаметные невооруженным глазом. Для примера: стандартный килограмм там весил всего девятьсот двадцать шесть граммов. Согласитесь, это жутко странно с точки зрения законов физики. Зона была строго ограничена и представляла собой идеальный круг с радиусом около четырех километров. И именно на границе этой окружности и образовались неожиданно три огромных, мощных вулкана. В результате мы лишились нашего исследовательского судна и, самое печальное, почти всех сотрудников и членов экипажа, находящихся на борту. Если бы эта катастрофа произошла не на мелководье, человеческих жертв было бы куда больше из-за образовавшихся цунами.

Леон Панетта закончил к этому времени рисовать аккуратный квадрат и отстраненно произнес:

– Пока не вижу причин вашего отказа рассказать все это одному из моих заместителей.

– Перехожу к главному. – Гонтери опять достал свой платок-наволочку. – В районе Новых Бермуд нами исследовался столб пониженной гравитации, или, как мы его называли, «минусовый колодец». Он уходил строго вверх и терялся,

вернее, рассеивался в самых верхних слоях термосферы. В связи с этим в воздушном пространстве наметились постоянные потоки воздуха, идущие вверх по колодцу и подсасывающиеся с боков. Мало того, хоть это было и на мелководье, образовались внушительные водовороты из-за огромных подвижек воды, появившихся по тому же принципу. Более легкое поднималось наверх, а снизу подходило все, имеющее нормальный вес. Поэтому-то судно и стояло на четырех якорях и в самом центре минусового колодца. Приборы, конечно, регистрировали непонятные сотрясения земной коры, но никто и предположить не мог, что произойдет немыслимое и необъяснимое извержение.

Заметив, что шеф ЦРУ перевел взгляд на нее и что-то хочет сказать, Лилия Монро заговорила первой:

– Вы, вероятно, знаете, что меня там не было, и знаете почему. За неделю до внезапного извержения я с несколькими коллегами отбыла на другую сторону нашей планеты. Там был обнаружен совершенно противоположный по направленной силе артефакт.

Голос у женщины был невероятно убедительным, сильным и завораживающим. Господин Панетта так и замер с полуоткрытым ртом, внимательно вслушиваясь и осознавая, почему эта невзрачная с виду, непомерно располневшая руководительница проекта могла управлять другими людьми и заставлять беспрекословно выполнять все ее требования. А Монро, совершенно не сомневаясь в том, что ее не прервут, продолжала:

– Он был нами назван «плюсовая воронка», так как на небольшой территории островка, радиусом всего в пятьсот метров, гравитация была повышенной и составляла одну тысячу семьдесят шесть вместо положенных одной тысячи граммов. К тому же границы этого явления уходили вверх в виде расширяющейся воронки и иссякали уже в стратосфере. Остров был совсем необитаем, и о «плюсе» совершенно случайно узнал один из летчиков-любителей, летавших там над поверхностью и чуть не зарывшийся в землю. Он сообразил, что что-то не так, и сообщил куда посчитал нужным. Так эта информация дошла до нас. Я тут же полетела туда и организовала наблюдение и обследование. Вот на этих компьютерных распечатках вы можете увидеть гравитационные изменения и их формы. – Она положила на стол несколько прекрасных цветных изображений воронки и колодца. – К сожалению, мы не смогли докопаться до истины. Семнадцатого мая произошло извержение, погибли наши товарищи. Мы бросились в Новые Бермуды, надеясь оказать

помощь в поисках уцелевших. Целая неделя прошла в шоковой лихорадке и предельных физических и психологических нагрузках. Спасти удалось единицы. А двадцать пятого мая в тринадцать ноль-ноль по Гринвичу «минусовый колодец» исчез. Так же неожиданно для всех вулканическая деятельность стала спадать и за три с небольшим дня прекратилась полностью. Но самое загадочное: вернувшись через неделю на остров с «плюсовой воронкой», нами было обнаружено ее полное отсутствие. А вся поверхность острова была обезображена до неузнаваемости. Вся растительность, песок и даже мелкие обломки скал были снесены в море тайфуном Серджио, который там прошел двадцать пятого мая. И именно в тот день, именно в тринадцать ноль-ноль по Гринвичу наблюдатели заметили, как над островом прошел гигантский торнадо, вероятно и принесший на него тотальные разрушения. Тем же торнадо были «почищены» и десяток соседних островов, есть даже несколько жертв среди местного населения. Но факт остается фактом: стихия повредила нечто, что создавало «плюсовую воронку» и «минусовый колодец». Это же «нечто» привело к непредсказуемой и невероятной сейсмической активности в районе, который, с подачи корреспондентов, мы сегодня называем не иначе как Новые Бермуды.

– Значит, вы полагаете, что на вашем острове находился некий... кхе... прибор, который вы не в силах отыскать? – сделал вывод Леон Панетта.

– Да! Определенные математические расчеты приводят нас к этому мнению.

– Все равно. – Хозяин кабинета тряхнул головой, пытаясь отогнать от себя давление, вызванное командным голосом Монро. – Я считаю своих замов вполне компетентными.

Шеф ЦРУ тем самым давал понять, что так и не видит причины, из-за которой ученые добивались встречи лично с ним.

Ричард Гонтери встрял в разговор с пояснениями:

– После этого мы провели определенные опыты, измерения, калибровку и подключили в единую сеть десяток геодезических спутников над планетой и все данные с вели на единый терминал. Теперь у нас есть возможность в течение часа зафиксировать в любом месте Земли как новую «плюсовую воронку», так и новый «минусовый колодец». Ну и как следствие нашей предусмотрительности...

Он взглянул на руководителя проекта, кивком головы давая ей право продолжить.

- Наши приборы обнаружили новый «минусовый колодец»! - эффектно произнесла Лилия Монро и выложила на стол еще одну распечатку. - Вот здесь, видите? В самом центре морского пролива между Японским архипелагом и азиатским материком! - Пока господин Панетта разглядывал, она продолжила: - Если в этой точке произойдут глобальные сейсмические изменения с зарождением нового пояса вулканов, то Японские острова могут просто сползти в океан.

- И? - Леон поднял голову уже с явным вниманием.

- И утонуть! - подвела черту Монро.

- Очень, очень интересно! - признался шеф ЦРУ.

- Вам будет еще интереснее, - пообещала женщина, - когда мой директор сообщит, где нами была найдена позавчера «плюсовая воронка». Потому как из его уст это будет более официально и вам, надеюсь, станет совершенно понятна причина, по которой мы хотели встретиться с вами лично.

Ричард Гонтери на удивление ловко выхватил толстыми пальцами из своей папки несколько диаграмм, фото и рисунков и разложил на столе поверх предыдущих.

- Плюсовая воронка, - стал он объяснять, - радиусом у основания примерно до шестисот метров, находится в одном из самых известных зданий США. Хочу добавить, что воронка имеет тенденцию к постепенному увеличению размеров.

Хозяин кабинета был очень грамотным и разносторонне развитым человеком. Ему было достаточно одной минуты, чтобы понять, где находится это здание.

- Вы хотите сказать, что... - Он поднял голову и взглядом обозрел напряженные лица ученых.

– Да! Это Пентагон! – официальным голосом заявил директор НИИ, потирая руки, словно в ознобе.

– Надеюсь, это не розыгрыш? – засомневался Леон Панетта.

– Мы бы не позволили себе тратить ваше драгоценное время на подобные шутки! – язвительно высказалась Лилия Монро.

– Мадам! – Панетта надел на себя маску напускного благодушия, хотя его мозги уже заработали на полную катушку. – Почему вы так агрессивно настроены? Или мне показалось?

– Видите ли, – директор НИИ деликатно кашлянул, – у нас с коллегой возникли некие разногласия по поводу нашего визита к вам. И...

– Некоторые?! Ха! – Монро презрительно фыркнула. – Да полно вам, Ричард! Я считала и считаю, что без ЦРУ здесь не обошлось. Оно должно быть в курсе подобного. Я уверена на девяносто девять процентов! А если я ошиблась на один, последний процент, – она всем корпусом наклонилась в сторону хозяина кабинета и прямо-таки буравила его своими горящими глазами, – то мы вряд ли отсюда выйдем! Если выйдем вообще! Мое мнение – надо было поднимать прессу!

– Ваш директор оказался мудрей! – Леон Панетта замотал головой и впервые за время беседы широко улыбнулся. – И не смотрите вы так на меня. Я ведь смогу принести гораздо больше пользы живым, чем окаменевшим! – Увидев, как Лилия шумно выдохнула и, уже чуть расслабившись, откинулась на спинку кресла, постучал ручкой по бумагам на своем столе. – Если здесь нет никакой ошибки. – Почувствовав желание собеседников возразить, слегка повысил голос: – Ведь вы прекрасно понимаете всю серьезность и опасность положения?! Так почему бы нам, теперь уже совместно, не произвести еще одно исследование? Сообща нам будет это сделать гораздо проще. Тем более, – он опять улыбнулся, – насколько я понимаю, в Пентагон вас не пустили? Ни под каким предлогом?

– Не пустили. – Ричард Гонтери скорбно закивал головой. А Лилия Монро со злостью и подозрительностью добавила:

– Что тоже очень и очень сильно настораживает!

Глава вторая

Найденыш. 1993

Несмотря на последние четыре года, отработанных старшим санитаром на «скорой помощи», и почти шесть лет учебы в медицинском институте, Сергей не растерял своего человеколюбия, веры в справедливость и романтической любви в сказку. Выражалось это в том, что он всегда больше, чем любой из его напарников, врачей или иных посторонних, сочувствовал больным, обхаживал их и от всей души старался облегчить страдания несчастных. Да и не только больных или случайно пострадавших, но и таких опустившихся индивидуумов, как пьяницы или наркоманы. Последних в те годы еще встречалось мало, но вот любителей вкусить и перебрать дозу алкоголя всегда хватало с избытком.

Так и тем жарким июльским вечером девяносто третьего года, через неделю после защиты диплома, молодой врач, все еще работая старшим санитаром, чуть ли не грудью защитил совершенно голого подростка, которого безжалостно пинали двое озлобленных, с исцарапанными лицами милиционеров.

– Стоять! Вы что творите? Изверги! За что вы его так?

Машина «скорой помощи», мигая сигнализацией, находилась у Сергея за спиной, на помощь спешил напарник, поэтому милиционеры словно очнулись, замерли, озираясь, и только потом стали объясняться с санитарями:

– Да этот урод нас с ног несколько раз сбивал!..

– Каратист недоделанный!..

– Глаза каким-то газом чуть не вышиб!..

– Всю морду и мне, и ему вон как расцарапал, словно шлюха какая-то!..

– А что мне жена теперь скажет?!

– И ребро мне, кажется, сломал.

Причем сразу бросалось в глаза явное несоответствие жалоб с увиденным. Подросток лежал, сжавшись в комок и бессознательно пытаясь прикрыть худенькими ручками свою голову. Совершить описанные преступления он не мог бы при всем своем желании. Уж это Сергей, сам имеющий отличные навыки ближнего боя, замечал сразу. Ни ногтей у мальчика не было, которыми можно было так глубоко расцарапать кожу, ни должной мускулатуры, чтобы сбить с ног таких дюжих, натренированных блюстителей правопорядка. Также нигде не отмечалось газового баллончика. Про детали одежды и говорить не приходилось: словно человека кто-то тщательно раздел и все забрал с собой. Или он прибежал сюда в таком виде, пытаясь скрыться от преследователей.

Один из постовых вытер лицо ладонью, увидел обилие крови и вновь, приходя в бешенство, попытался несколько раз пнуть ногами лежащего паренька. Но тут уже Сергей не церемонился, благо что и самого природа силенкой не обидела: легко перехватил мстителя за пояс, оттянул назад и подтолкнул к своему напарнику по дежурству:

– Обработай ему раны на лице. Сержант! Да успокойся ты! Или хочешь за превышение полномочий сам в тюрьму загреметь?

– А ты нас не пугай! – набычился второй правозащитник, держась за правую часть груди.

– У этого осмотри ребра! – дал вдогонку напарнику распоряжение старший санитар и, быстро сняв с себя халат, наклонился над подростком. – Ну! Что тут с тобой? Давай, давай, поднимайся. Все уже, никто тебя больше бить не будет.

Пострадавший от удара по грудной клетке так и не отходил в сторону машины «скорой помощи», а со злостью и некоторым недоверием рассматривал медленно поднимающегося на ноги паренька.

– Следовало бы ему еще наподдать! Урод! – Но и удивление у него прорвалось, хотя санитар уже стал надевать на голое тело жертвы свой халат: – Ты смотри на этого гаденыша! Ни одной ссадины!

И было чему удивляться. Тяжеленные милицейские ботинки в любой ситуации оставят след от удара на ничем не прикрытой коже. Тогда как в данном случае, сколько ни присматривались, ни гематом, ни покраснений не заметили.

- Живучий, потрох! И верткий!

Старший санитар стал присматриваться к говорившему с подозрением:

- Верткий? Или вы не попадали? Может, вы сами, ребята, малость того?..

Он коснулся пальцем своего горла, намекая на пристрастие к алкоголю во время дежурства, но у милиционера даже челюсть затряслась от возмущения:

- Ты чего это, Склифосовский!? По себе всех равняешь?

- Так ведь и в самом деле на пареньке ни царапины. Как хоть дело было?

Они втроем двинулись медленно к «скорой», а милиционер, массируя ладонью свой бок, стал жаловаться:

- Да идем мы, а этот тип прямо нам навстречу! Словно лунатик! Мы ему: стоять! А он ноль внимания! Да где такое видано - в непотребном виде по Москве разгуливать? Ну мы его за руки было попытались взять, как сразу в глазах померкло и на асфальте оказались. И так пару раз. Ну как тут не обозлиться, когда такие отморозки на тебя руку поднимают?

- М-да, в самом деле непорядок.

В салоне автомобиля паренька усадили на боковое кресло и на всякий случай пристегнули ремнями. После чего Сергей попытался выпросить у него: кто, что, куда и откуда. Оказывая попутно первую помощь пострадавшим служителям правопорядка. Как ни странно, но подросток ни на что почти не реагировал. Остекленевшие глаза, чуть приоткрытый рот, никакой мимики. Как и никакой реакции на вопросы. Единственное, чему Сергей в тот момент удивился, так это некоторой схожести объекта с его родным младшим братом Женькой.

- Обкурился, шантрапа! - ворчал исцарапанный.

А его напарник поддакивал:

- Ничего, посидит у нас в камере до утра, враз проветрится!

Но санитары имели иное мнение:

- Да нет, тут что-то другое. Похоже, что его клофелином кто-то накормил, а потом и раздел до последнего.

Как раз резко увеличилось количество случаев подобного грабежа, порой пострадавшие так и умирали, не приходя в сознание. Потому милиционеры сразу сникли: забирать неизвестного, да еще в таком состоянии, в «обезьянник» им не хотелось. А вдруг умрет? Скорее всего, именно поэтому они и согласились с неожиданными служителями медицины:

- Ладно, забирайте его к себе в дурку. Протокол мы сейчас составим, а завтра, как очнется, будем разбираться.

К сожалению, ни завтра, ни в последующие дни паренек не очнулся. Вернее, не пришел в себя и не вспомнил о себе ничего. Ни на вопросы, ни на интенсивное лечение тоже совершенно не реагировал. Зато очень сильно заинтриговал собой непосредственно Сергея Чернова. Санитару пришлось не только доставить жертву неизвестных обстоятельств в палату, но перед этим тщательно осмотреть, составить акт приемки «больного», а потом еще и дать свои предварительные выводы для истории болезни.

Вот во время осмотра и произошло самое таинственное, нереальное и неправдоподобное. Паренек вдруг вздрогнул всем телом, замычал, словно от боли, и максимально широко раскрыл глаза. Вот именно из глазниц и устремились прямо в потолок два отдельных мерцающих лучика зеленоватого цвета. Полминуты они словно пытались прожечь в потолке дырку, а потом бесследно исчезли, иссякли, словно их и не бывало. Само тело содрогнулось второй раз, а его владелец потерял сознание и уже полностью провалился в небытие. Хотя дыхание у него, сердцебиение и прочие физические показатели тела остались в совершеннейшей норме. Даже рентген и куча взятых впоследствии анализов никаких патологий или отклонений от нормы не показали.

Сергей Николаевич Чернов верил не только в сказки. Используя знания высокообразованного человека, он прежде всего опирался на современную науку. Да и за время учебы с подработкой на «скорой помощи» посмотрелся чего угодно. То есть его удивить чем-то было трудно. Банальный розыгрыш, по причине отличного знания места своей работы, исключался сразу. Смутить санитаря потусторонними силами тоже ни у кого не получилось бы. Как и трудно было убедить, что это, мол, померещилось от усталости или просто плод больной фантазии. То есть в своих органах чувств и реальности восприятия опытный санитар нисколько не сомневался.

А сказка... Ну что сказка? Вот если бы парень вдруг превратился в мощного, одетого в броню рыцаря, вот тогда это сказка. Или там в дракона какого обернулся. На крайний случай, клыки бы у него, как у вампира, появились. Или шерстью покрылся. Или хвост с рогами вырос.

Но ничего, кроме лучей из глаз, не было. Как не было и достоверных фактов, подтверждающих или зарегистрировавших увиденное. То есть сразу возникла мысль: стоит ли говорить об увиденном коллегам? Ведь явно не поверят! Еще и высмеивать станут. Хотя любой смех Сергей бы воспринял с полным равнодушием, подобные шуточки с него соскальзывали как с гуся вода.

Но итог размышлений был закономерен: говорить ни о чем не стоит. Вот очнется неизвестный, можно будет конкретно с ним обсудить происшедшее событие. И только тогда...

Но время шло, а поговорить никак не удавалось. Парень пришел в себя, кое-как двигался по палате, умудрялся регулярно ходить в туалетную комнату и справлять нужду, даже сам иногда ел, но в остальном вел себя как настоящий овощ: бездумно и бессмысленно. Никаких воспоминаний, никаких реакций на слова и уговоры. Никого не узнавал и реагировал разве что инстинктивно на появление своего спасителя, Сергея Чернова. И как реагировал: просто поворачивал в сторону знакомого голоса левое ухо и замирал. Наблюдения тоже ничего не дали. Разве что изредка, с самого раннего утра в глубине карих глаз мелькало нечто вроде попыток осознания самого себя. Больной тогда растерянно начинал озира́ться, мычать нечто странное и колотить порой себя кулаком по лбу. Ему тут же вкалывали очередное успокоительное, и все возвращалось к норме «бессловесного овоща».

Разосланная повсюду фотография парня никаких результатов не дала. Его никто не знал, никто не искал, и нигде он не числился без вести пропавшим. К сожалению, в те года – случай совсем не единичный: от рук распоясавшихся бандитов погибали тысячи предпринимателей и бизнесменов. Порой вместе со своими кормильцами бесследно исчезали и целые семьи. Так что особо волноваться за судьбу какого-то пострадавшего от клофелина человека (а именно так было записано в истории болезни) никто из чиновников не собирался.

Но если бы только черствость и равнодушие тлели в душах погрязших в серых буднях людей. Нет, в них все ярче и ярче разгоралось пламя стяжательства. Причем добрая часть людей мечтала обогатиться любым способом. Не стал исключением из этой «доброй части» и главный врач больницы, в которой работал Сергей Чернов. Только-только в Европе стали увеличиваться лавинообразно проводящиеся операции по пересадке органов. И совершенно здоровые части тела, добытые любыми путями, ценились на вес золота. Вот главврач и подсуетился, с упоением обрисовав неведомому покупателю удивительные по качеству, показательно здоровые внутренние органы бессознательного паренька. Мало того, во время подслушанного разговора выяснилось, что и успокоительное, причем каждый раз новое и более действенное, вкалывают пациенту, как раз желая не допустить случайного выздоровления.

Сергей вымотался после ночного дежурства и специально, чтобы его не потревожили и не разбудили, свалился спать в кладовой старшей медсестры, где хранились халаты и простыни. Благо что ключ имел по старой дружбе. А в самом углу кладовки находилась довольно тонкая стеночка, отделяющая от личного кабинета главврача. Вот разговор в голове проснувшегося санитаря и зафиксировался до последнего слова.

Вначале Чернов элементарно пришел в неопишное бешенство. Ему в тот момент захотелось сразу на месте придушить урода, дававшего когда-то клятву Гиппократу. Но пока с мычанием выбирался из кладовки, а потом, оказавшись в запруженном людьми коридоре, забуксовал, ярость его слегка подугасла, и он рухнул в раздумьях на освободившееся место на скамье для посетителей. Решил отдышаться и подумать.

Помогло. Мысли стали более взвешенные и правильные: «Немедленно подать на этого людоеда в органы! Те организуют засаду, вычислят всю группу

преступников и засадят до скончания их века по тюрьмам!»

Но дальше в голову влезло препротивное «знание действительности». Припомнилось, что главврач имеет двоюродного брата с генеральскими погонами в Комитете госбезопасности, зять работает в Министерстве внутренних дел, еще с десятков разных милицейских административных чинов постоянно крутят какие-то совместные дела и отдыхают в госпитальном профилактории за чертой мегаполиса. То есть круговая порука у главного врача имела железобетонную. В девяносто третьем году это означало, что продавец органов выкрутится в любом случае. Мало того, если и станут устраивать засаду на «живца», то этим самым живцом, скорее всего, и окажется именно невинный паренек. После чего неопознанные останки закопают в неопознанном месте.

Сергей Чернов верил в сказки, но еще лучше он ориентировался в окружающей жизни. Поэтому, посидев на лавке и окончательно успокоившись, поспешил на пост, усиленно разрабатывая новую идею, совершенно отличную от предыдущих. Раз нельзя наказать преступников, то следовало хотя бы спасти невинного человека. Тем более что сделать это показалось довольно просто. Палата с тремя подобными «овощами» находилась в дальнем крыле госпиталя, запиралась на ключ, и при желании любого больного можно было вывести за ручку прямо во внутренний парк, что порой и практиковалось в оздоровительных целях. А дальше забор, а то и служебная калитка, в машину – и...

Дальше возникали трудности. Во-первых: Чернова в госпитале знала каждая санитарка, электрик, сторож, повариха, а то и птицы в том самом парке. Тогда как уйти следовало незаметно. Не хватало только потом давать показания следователю, после очевидного обвинения со стороны главврача в похищении человека.

Ну и во-вторых: что дальше делать с Найденышем? Куда его спрятать? В чьи милосердные руки и под чью опеку отдать? Но тут схема выстроилась совершенно простая и незатейливая. Причем основные опорные вехи в этой схеме занимали именно семейные отношения семьи Черновых.

Отец Сергея умудрился сбежать из России лет десять назад. То есть еще при власти пресловутого Леонида Ильича. Самое смешное, что, не будучи евреем, папаша сбежал именно в Израиль, где к описываемому девяносто третьему прекрасно освоился, второй раз женился и жил вполне себе пристойно, припеваючи да на зависть многочисленным завистникам.

Мать, оставшись одинокой, нисколько не смирилась с такой судьбой. Будучи активной и весьма красивой женщиной, она где-то случайно познакомилась со жгучим брюнетом, гражданином Италии, и практически всего год назад благополучно выехала на постоянное место проживания в Рим. Да еще и младшего сына Евгения с собой забрала, как только тому исполнилось шестнадцать лет. Вот только младший братишка уехал, а его внутренний паспорт, за ненадобностью, так и остался дома. А ведь лица похожи! Да и на вид Найденыш выглядел уж никак не старше семнадцати. Так что некоторое время с паспортом Евгения Чернова можно будет перевозить несчастного горемыку куда угодно. Ну и в дальнем Подмосковье имелась дальняя родственница, которую Сергей иногда проводывал да баловал столичными деликатесами. Двоюродная тетка по материнской линии жила в таком глухом и заброшенном селе, что, даже имея точную наводку, никакой ОМОН или милиция туда не поедут. Зная теткину доброту, можно было не сомневаться: Найденыша она в обиду не даст. А там видно будет.

То есть вначале несколько дней, а то и неделю подержать спасенного паренька дома, а потом, когда все успокоится, отвезти его в Тмутаракань.

Пока смотался домой за одеждой младшего братишки, его паспортом и таким нужным для дела париком, окончательно созрел план и самого похищения. Тут тоже было много подводных камней, и один из самых главных – Найденыш не сможет отвечать на вопросы. Вдруг его кто-то о чем-то спросит? А дальше? Как этого избежать? М-да! Поневоле голова опухнет.

Но все прошло замечательно. Имея запасной ключ от палаты с «овощами», Сергей выбрал время и поспешил внутрь с инвалидной коляской. Там первым делом, стараясь унять колотящееся сердце, переделал Найденыша в гражданскую одежду, напялил ему на голову панаму и усадил в кресло со словами:

– Сиди тихо и не двигайся! Все будет хорошо!

Сам прямо поверх своей футболки накинул позаимствованную в прачечной форму «толкача». Так, несколько неприятно, в госпитале называли санитаров, которые привозили в госпиталь на обследования инвалидов в колясках. Привозили, доставляли на различные процедуры и обследования, а потом опять грузили в микроавтобусы и развозили по домам. Рутинная работа,

«толкачи» часто менялись в текучке кадров, но это было только на руку: в лицах их никто не помнил. Тем более что им было положено всегда носить марлевую повязку на лице.

Вот этим Сергей и воспользовался. Надел парик, чтобы никто не узнал его по коротким светлым волосам, нацепил старомодные, неизвестно от какого деда оставшиеся очки и преспокойно вывез похищенного пациента с противоположного госпитального крыла. Пусть для этого и пришлось пересечь весь второй этаж во всю его длину. Ну а перед тем как покинуть палату, подтолкнул двух придурковатых мужичков, которые с нетерпением ждали прогулки, в сторону парка. Те и пошли. Со временем такое мнение и сложилось: кто-то забыл закрыть дверь палаты на ключ, вот «овощи» и вышли прогуляться. Хоть и скандал огромный получился: все-таки человек, как-никак, потерялся, но главврач и эту жуткую халатность в своем заведении умудрился замять. Вот что значит иметь хорошие связи и знакомства.

Ну а Сергей доставил Найденыша к себе домой, завел в почти пустую комнату с продавленным топчаном и раз сто монотонно повторил:

– Отныне ты – Чернов Евгений Николаевич. Тебе семнадцать лет. Ты мой младший брат.

Затем убежал на работу. Следовало в любом случае перестраховаться, узнать, что там творится, и обеспечить себе хоть какое-то алиби.

Старшего санитаря никто ни в чем не заподозрил. Тогда еще повсеместно работающих во всех коридорах видеокамер не существовало. Слухи ходили разные, сплетничали медсестры злобно, но фамилии Чернов ничего не коснулось.

Два дня он разрывался между домом, работой и больницей, а потом таки выбил долгожданный отпуск, от которого раньше сам же всеми силами и отказывался. Теперь честно заработанный за два года отпуск пригодился как нельзя кстати. Были намерения отвезти спасенного парня к двоюродной бабке, да и самому там с ним недели две побыть на природе.

Да только не получилось эти планы претворить в жизнь. Вначале несколько дней прошло в осторожном выжидании и наблюдении из окна окружающей

территории. Никак не хотелось рисковать, после того как вся затея удалась. А вот на четвертый день ожидания с парнем стали происходить неприятные изменения психологического плана. Он стал нервным, дерганым, порой вскрикивал, вскакивал на ноги и порывался бежать, шипел и пытался кусаться. Самое странное, что порой, когда он своего спасителя не узнавал, то делал в его сторону странные пасы руками. Очень это напоминало попытку поцарапать, да вот только делалось это с дистанции в метр, а то и полтора. Иногда больной двигал вперед внутреннюю часть ладони, и получалось как в кино про каратистов, когда те проламывали такими ударами грудные клетки противников. Но опять-таки и эти имитации делались на дистанции в один, а то и два метра.

При более тщательном, неоднократном просмотре действий своего подставного «младшего брата» Сергей пришел к выводу: его присутствие воспринимают как опасность и пытаются неким образом контратаковать. Другие наблюдения и эксперименты доказали, что и сам голос, и спокойный тон восклицаний, их дружелюбие вызывают затихание агрессивности. А так как от лекарств молодой врач отказался изначально, то пришлось лечить парнишку словотерапией. Долго лечить, порой не отходя от больного несколько часов кряду, уговаривать его поесть, настойчиво повторять имя и возраст, монотонно твердить одни и те же слова, обозначающие ясное небо, теплые солнечные лучи и благодатную морскую воду. При произнесении подобных слов у любого человека возникают положительные эмоции, передающиеся больному и благотворно влияющие на выздоровление.

И чудо произошло. К концу второй недели вынужденного затворничества на квартире Найденыш стал явственно и без всякого проявления страха откликаться на имя Евгений. Еще через два дня агрессия вообще исчезла, а к концу третьей недели Найденыш сделал первые попытки заговорить. При этом он смотрел на своего спасителя более чем осмысленно, тыкал себя в грудь рукой и явственно спрашивал:

– Женя? Евгений?

– Отлично! Правильно! Ты – Евгений. А я – Сергей. Твой старший брат.

Первые произнесенные слова ознаменовали собой новый этап как выздоровления, так и обучения. Причем молодой врач окончательно утвердился в мысли: Найденыш полностью потерял свою прежнюю память и теперь

начинает практически жить с самого начала. То есть ни кто он такой не помнит, ни откуда родом, ни что с ним случилось перед злополучной встречей с милицейским патрулем.

Конечно, как любой врач, Чернов понимал: полное выздоровление все-таки возможно. Только вот когда оно наступит? Когда воспоминания надумают вернуться в человеческий мозг? И наступит ли вообще это время?

Более чем полтора месяца отпуска пролетели незаметно. Времени не хватало на приготовление пищи, так что ни о какой поездке к далекой двоюродной бабке не могло быть и речи. Тем более что к моменту, когда следовало возвращаться к работе, его подопечный своим умственным развитием, сообразительностью уже догонял ребенка примерно в восьмилетнем возрасте. Довольно бойко и связно говорил, задавал без остановки сотни вопросов, а оставаясь наедине, готов был сутками сидеть перед телевизором. Они уже начали по картинкам учить первые буквы и складывать слова в единое целое. Освоили простейший счет и перешли к таблице умножения. Причем Евгений, как стал его даже мысленно называть спаситель, благополучно проскочил тот детский период развития, который отличается особыми баловством и шалостями. То есть, несмотря на неопытное сознание, повышенную детскую любознательность, он вел себя совершенно как взрослый. А уж при выполнении домашних заданий в отсутствие старшего брата ученика прилежней, чем Женька, не существовало в природе.

Так что уже к середине осени у Сергея появились вполне здравые мысли, что братца можно постепенно выводить в люди. А для этого и соответствующей легенды выдумывать особо не стоило: Евгений Чернов после тяжело перенесенной болезни вот-вот собирается вернуться из Италии на родину. Слух по соседям запустил, паспорт проверил, своего протеже стал соответствующе готовить. Оставалось только сообразить, куда, как и зачем отдать младшего брата в дальнейшее обучение. С этим имелись трудности этического характера.

И над этими трудностями Сергей задумывался в последнее время все чаще и чаще. Ну спас он человека. Ну почти его легализовал в этой жизни без прописки, что уже само по себе достойно занесения в историю Москвы. Ну сделает он этого парня полноценным россиянином, возможно даже счастливым, полностью обеспеченным материально. Но ведь откуда-то этот человек взялся! Где-то по нему плачут и убиваются его родственники! Где-то неожиданно оборвалась одна из судеб, принеся этим горе своим друзьям, близким и родным. Причем, скорее всего, случилось это все-таки в Москве. И несмотря на огромный мегаполис, в

котором можно было прожить сто лет в соседних домах и никогда в жизни не пересечься, нового Евгения Чернова, по всем законам то ли подлости, то ли случайности, обязательно встретит кто-либо его знающий. Встретит, узнает, поднимет крик. И вот что будет тогда?

Вот тогда и вспомнят о старшем санитаре «скорой помощи». И вполне возможно, что засадят за похищение человека в места весьма отдаленные, теплом не балующие. Вряд ли примут во внимание как смягчающее обстоятельство сам факт спасения из-под скальпеля торговца органами. Не лучше ли все-таки отвезти в Тмутаракань? Может, лучше просто отпустить на все четыре стороны? Авось найдут и на этот раз таки отыщутся сердобольные родственники?

Но имелась и вторая сторона медали: а вдруг и родственников нет? Да и вообще никого, кто его знает? Опять парню не хватало угодить в прежнюю клинику, под алчный взгляд тамошнего главврача.

Сомнения. Размышления. Тревога, вызывающая бессонницу.

И пожалуй, от попыток расстаться с поддельным младшим братом удерживало яркое, незабываемое воспоминание: два лучика странной энергии, упирающиеся в потолок больничной палаты. В этом парне жила тайна, неразрешимая загадка, которая для деятельной, пусть и верящей в сказки натуры Чернова являлась дополнительным катализатором, тем самым дополнительным стимулом, который спровоцировал всплеск сообразительности, повышенной работоспособности и невиданных организаторских способностей. Хотелось не просто выяснить странную тайну, но и обследовать ее, убедиться лишний раз в ее существовании.

Поэтому младший Чернов продолжил обучение на дому, но стал одновременно с этим готовиться к выходу «в люди».

Тогда как его попечитель умудрился благодаря возросшей сообразительности и некоторой толике удачи ухватить удачу за хвост. Распределения в глухое место российского захолустья после защиты дипломной работы молодой врач не опасался. Благо работа четыре года в «Скорой помощи» давала и место, и приличную должность. Но работать там ему казалось и бесперспективным и бессмысленным во многих отношениях. Тогда он с невероятным энтузиазмом бросился подыскивать для себя более подходящее место. И ему повезло

отыскать новое место работы там, где он раньше и не мечтал оказаться: в Научно-исследовательском институте нейрохирургии и микробиологии человека. Сокращенно НИИНХМБЧ. А работающие там ученые, доктора и администрация в разговорах между собой частенько называли одни словом: Нинхэмбэчэ.

Вот в этом казенном доме с таким труднопроизносимым названием и началась успешная, можно сказать головокружительная карьера Чернова Сергея Николаевича. С прежней работы его отпустили хоть и не без слез, но вынужденно: сработало правильно написанное, идеально оформленное заявление. На новом месте он сразу попал в команду академика Гальцева Григория Григорьевича, пожалуй, самого именитого в российской науке человека, который вне ведомственных структур исключительно на базе общей науки занимался паранормальными явлениями. То есть они наносили визиты свидетелям встреч с НЛО, обследовали этих свидетелей, а также тех, кто, по их словам, побывал в руках, а то и в кораблях пришельцев. В ведении команды были осмотры и замеры странных свечений, радиальных пятен вытоптанной пшеницы на полях, расшифровка туманных фотографий с заснятыми на них НЛО, и так далее, и тому подобное. Причем для сравнительных анализов и прочих сверочных тестов доктора имели право приглашать любого человека с улицы, предварительно договорившись с ним об оплате. Понятно, что всегда находились такие желающие, которые готовы были превратить себя в подопытных кроликов и за бутылку пива. Но тут как раз на первое место выходили личности с железным, полноценным здоровьем. И Евгений Чернов подходил по этим показателям. Так что уже через два года никто и не заметил, как младший брат кандидата медицинских наук Сергея Чернова стал не просто «человеком с улицы» для опытов, а вначале лаборантом, а потом и техником программного компьютерного обеспечения всего института. Тогда подобное тотальное обеспечение еще только становилось на крыло и было в новинку, так что одно лишь умение Евгения разбираться, отлаживать и настраивать дорогостоящие компьютеры поставило его выше очень многих людей, имеющих порой за своими плечами по несколько высших образований вместе с докторской степенью в придачу.

Сам академик Гальцев Г. Г. буквально молился на младшего брата своего коллеги. Да и директор НИИ не мог обойтись без технической поддержки молодого, скромного, но весьма старательного паренька. Ну а непосредственно Сергей Николаевич Чернов, воспользовавшись «родственными» связями, открывал лично для себя некоторые дивные, никому недоступные тайны мироздания. А затем, правильно используя эти знания, в нужном свете их интерпретируя, совершал восхождение не только по карьерной лестнице, но и

на олимп научной мысли. А несколько его удивительных, пусть и довольно скромных открытий вообще сделали его имя знаменитым на весь мир. Теперь его знали. С ним советовались. Его резко зауважали, и ему стали завидовать прожженные злопыхатели. Он стал вхож в круг не только коллег-ученых, но и артистов, спортсменов, политиков. У него не было отбоя от шикарных женщин. И его приняли в почетные академики многих зарубежных университетов.

Тогда как его младший брат, Чернов Евгений Николаевич, и по прошествии девятнадцати лет с момента своего второго рождения продолжал оставаться в густой тени и являлся кумиром лишь для работающих в самом НИИНХМБЧ. Сам Евгений об этом нисколько не жалел, даже радовался. А когда старший брат пытался что-то изменить в этом вопросе, глубокомысленно предупреждал:

- Всему свое время! Не спеши, братец, не спеши.

Глава третья

Англия, Лондон. Чарли Бокед

Все люди тщеславны. Конечно, каждый в своей мере и по-своему. И это даже необходимо. Особенно для мужчин. Ведь тогда они к чему-нибудь стремятся, пытаются чего-то достичь. Например, завоевать любовь прекрасной женщины, построить дом, вырастить детей и дать им правильное воспитание.

Но бывают и крайности. Полный ноль, желая вырасти в глазах остальных и не прикладывая к этому никаких усилий, кроме бесплодных мечтаний, иногда может стать даже опасным для общества. Потому что, невзирая ни на что, пытается прославиться чем угодно, пусть даже низменными и подлыми поступками. И хоть грязью или кровью, но войти в историю.

Существует иная крайность тщеславия: определенные таланты, добившиеся невероятной славы, но при этом полностью утратившие связь с окружающими их людьми, событиями и явлениями. Попирая при этом, безжалостно унижая даже самых ярых своих поклонников и последователей. Они хамоваты, беспардонны и плевать хотели со своего персонального олимпа на всех, кто ниже их.

Ну и во все времена предпочтительной считалась золотая середина и личности, ее придерживающиеся. Именно те люди, которые добились известности, признания и почитания своим трудом, целеустремленностью, а порой и благодаря случайному стечению обстоятельств, но которые не теряют своих человеческих качеств, а продолжают любить окружающих, ценить их доброе к себе отношение и не предаются неоправданному зазнайству или неблагодарному ханжеству.

Именно к таким людям и принадлежал Чарли Бокед. Возраст – тридцать пять лет. Худощавый, рост метр семьдесят шесть. Скромный, тихий, совершенно неприметный не только на первый взгляд, но и на второй со всеми последующими. Одевался непритязательно, золото и бриллианты в ношении не признавал категорически, питался весьма незамысловато, придерживаясь в основном фруктовых или овощных рационов. Автомобиль у Чарли имелся новый, но из разряда «средний буржуа», доступный в принципе каждому работающему обывателю. К соседям, знакомым и друзьям относился скорее радушно, чем прохладно; больше с оптимизмом, чем с недоверием; явно больше с симпатией, чем с настороженностью. Родственников вообще ограждал повседневной заботой, вниманием и протекцией. И буквально с любым встречным-поперечным мог с первого слова найти общий язык, а при желании и быстро подружиться. Причем дружба завязывалась не просто так, по наитию или на потребу дня, а навсегда.

Что в первую очередь больше всего удивляло самого Чарли Бокеда. Но к кому бы он ни обращался, пусть и к тем, кого не видел порой годами, друзья с удовольствием и готовностью шли ему навстречу. Причем просьбы выполняли не из корыстных побуждений, а просто по старой дружбе.

И это все – при том, что любой гонорар за работу у Чарли исчислялся в размере не меньше чем миллион евро.

Стоило вдуматься в эту цифру – миллион! А уже потом снова искать взглядом Чарли Бокеда, который давно растворился в серой толпе обывателей.

То есть сам он требовал за свой труд огромные суммы, получал их и... Дальше жил, ничем не выделяясь из толпы, да вдобавок легко получал любую нужную ему информацию практически бесплатно и без особого напряжения.

Хотя мог, а порой и пытался заплатить.

Хотя имел полное право, а порой и пробовал начать жить на широкую ногу.

Но в обоих случаях на него смотрели как на абсолютного идиота. Дальше все возвращалось на круги своя: старые друзья и приятели с удовольствием оказывали Чарли любые услуги в поиске информации, а шикарная жизнь оставалась только в отрывочных воспоминаниях. Как говаривал сам Бокед: «Роскошь создана не для меня. Мы с ней антагонисты!» Только и позволял себе носить самые дорогие и надежные часы.

И вполне серая жизнь продолжалась дальше. Разве что путешествия и поездки по всему миру придавали существованию ту цветистость ярких впечатлений, тот ореол романтизма и таинственности, которые позволяли ощущать движение времени и шероховатости окружающего пространства.

Что еще можно было сказать о Бокеде? Да много чего! Например: он занимался частным сыском. Другой пример: у него имелось несколько тайн. Или еще: с раннего детства он считался почти полным инвалидом. Правда, об инвалидности постоянно напоминала ровная, негнущаяся шея, зато со стороны это порой казалось итогом великолепной мужской осанки. Так что тайны из этого не получалось. Скорее наоборот: врачи частенько удивлялись, как он выжил в детстве и почему не умер до сих пор. На это ничего не оставалось, как недоуменно разводить руками и задавать врачам встречный вопрос: «Вот и объясните мне, убогому, почему я еще живу?»

По поводу тайн – так у кого их нет? Порой у некоторых такие скелеты в шкафах прячутся, что им самим страшно становится. А Чарли толком не знал, что с ним творится и как творящиеся несурразности воспринимать. Поэтому относился к ним с философией полного пофигиста. Только и опасался когда-нибудь проговориться о самой страшной, как он считал, тайне: он ненавидел англичан. И это при том, что на постоянной основе жил именно в старом добром королевстве Великобритания, в самом его сердце, в городе Лондоне. Почему ненавидел, если в другую страну перебираться и не подумывал? Тоже своего рода тайна, которую сам Бокед никак не мог разгадать. Ведь жил в этой великолепной стране с трехмесячного возраста, обожал столицу Великобритании, с непреходящим вдохновением любовался музеями и прочими архитектурными ценностями, легко сходилась даже с чопорными, заносчивыми лордами, пэрами, а то и премьер-министрами. Увы, и с ними приходилось

сталкиваться по ходу своей деятельности. И вот каждого англичанина по отдельности он вроде как любил и прекрасно понимал, но вот всех вместе – жутко ненавидел. Причем ненавидел не сознательно, а на каком-то ином, подспудном, не поддающемся разуму уровне своих инстинктов.

Весело? Не то слово! Зато добрая пятая часть свободного времени как раз и уходила на разгадку данного парадокса.

Ну и осталось несколько осветить деятельность Чарли Бокеда в частном сыске. Начал он им заниматься с шестнадцати лет, сразу после получения обязательного образования в средней школе. Учился из рук вон плохо, и его не оставляли в одних и тех же классах по два раза только по причине его неизлечимой инвалидности. Учителя просто не имели морального права хоть как-то обидеть парня излишними упреками или придирками. Единственное, в чем Чарли не имел равных: парень легко усваивал любые иностранные языки и считался в этом деле настоящим феноменом. Схватывал на лету любые фразы и без труда осваивал правильное произношение.

Еще чем он мог похвастаться, так это слишком уж большим пристрастием к философствованию. Но, увы, когда круглый двоечник начинает философствовать, это лишь вызывает раздражение у окружающих.

То есть успехи можно было посчитать лишь на двух пальцах. Но вот во всем остальном... Как говорится, слезы на глаза наворачивались. Учился на самый допустимый мизер, ну, может, и чуть ниже, да и ладно! Лишь бы «посещал, присутствовал, не делал пакостей и вел себя приемлемо». То есть жалели, покрывали неуспеваемость и переводили из класса в класс. И мечтали поскорее от Чарли избавиться.

Чарли Бокед, девятнадцать лет назад

Июль, 1993

Только в шестнадцать лет парень получил возможность выбирать: либо продолжить учебу в более серьезном заведении, либо попробовать отыскать себе работу, либо полностью перейти на социальное обеспечение. Учиться с таким скудным багажом знаний можно было только на священника. Парень

отверг такие предложения сразу, потому что религию даже на дух не принимал.

Получать пособие по инвалидности, лишиться себя пусть гипотетического карьерного роста и окончательно выпасть из окружающего общества Чарли тоже не желал категорически. Поэтому оставалось только одно: отыскать работу.

И отрок поразил всех, в первую очередь – собственных родителей.

– Хочу работать частным сыщиком!

Мать всплеснула ладонями и не удержалась от громких упреков и причитаний:

– Сынок! Да ты хоть головой своей думай иногда! Какой сыщик? Какая работа? Там логически рассуждать надо, знать психологию, заниматься грязными делами и порой идти наперекор собственной совести.

Отец молчал долго и постарался ответить более взвешенно и рационально:

– Не забывай, мы здесь – эмигранты. И останемся ими до самой смерти, невзирая на принятое нами английское гражданство. Но если в школе тебя жалели, все прощали, тянули за уши из класса в класс, то при частной деятельности – такого не будет. В любом случае, даже будь ты семи пядей во лбу и умей выследить самую хитрую неверную жену богатого клиента, тебе не будут доверять. Тебя всегда подставят коллеги. Высмеют соседи. Да тебя просто никто и никогда не наймет для серьезного дела! Лучше правильно оцени свои возможности и постарайся устроиться там, где остро нуждаются в способных переводчиках. С твоими талантами к языкам есть отличная перспектива вскоре стать воистину незаменимым в любом крупном офисе.

– Нет. Только сыщиком! – не сдавался парень. – А знание языков мне в этом деле только поможет.

– Не спеши, подумай еще немного.

– Отец! Ты мне выделишь деньги для аренды помещения? Только на три месяца. Если прогорю, значит, не судьба.

На такие условия отец согласился сразу. Уж на три месяца аренды маленькой комнатенки раскошелиться нетрудно. А там, глядишь, сын поймет свои ошибки и станет более гибким в выборе нового рода деятельности. Или вообще возьмется за ум и продолжит учебу самостоятельно. Если один раз сильно обжечься, то дальше молодой индивидуум начинает лучше соображать.

Так рассуждал многоопытный отец, сам весьма много сделавший в жизни и сумевший в чужой стране добиться если и не среднего, то вполне существенного достатка для своей семьи.

Так что вскоре комнатуха при серенькой адвокатской конторе была арендована, молодой парень с идеальной осанкой установил там телефон, разослал кучу объявлений по многочисленным газетам и стал ждать своих первых клиентов. Только вот что было странным в этих объявлениях: все они были размещены в эмигрантской прессе, ни одно не попало в местные, англоязычные издания. И суть объявлений, переведенных на шестнадцать языков, сводилась к следующему: «Частный сыщик берется только за невероятные по сложности дела. Скользкие дела или связанные с бытовыми проблемами к рассмотрению не принимаются». Ну и как положено, внизу номера телефонов: офиса и мобильный.

Разъяснений понятию «скользкий» не давалось, понятие «бытовые» тоже варьировать при желании можно в каком угодно направлении. Но, видимо, потенциальных клиентов сразу сбивала с толку первая фраза в объявлении. Наверняка многие думали, что это розыгрыш или поиск слишком уж доверчивых клиентов. Потому оных и не наблюдалось в течение целого месяца. Но объявления в газетах продолжали регулярно появляться. Сыщик терпеливо высиживал рабочий день на рабочем месте. А чтобы напрасно не тратить время, усиленно, с огромным увлечением штудировал словари по иным языкам.

Лишь в начале второго месяца на пороге комнаты возник престарелый седобородый азиат. Без звонка, предупреждающего о своем приходе. Без вежливого стука в дверь. Просто открыл дверь, сделал шаг и замер. И стало заметно, как удивление пробивается на невозмутимом лице гостя. Непонятно было, кого он собирался перед собой увидеть, но уж не юного молокососа, который при всем желании на частного сыщика не смахивал. Азиат вообще-то соображал хорошо – увидев незнакомого человека, не повелся на его внешний вид. Постоял с минуту, оглядываясь по сторонам, и только потом на приличном английском поинтересовался:

– Когда я могу поговорить с мистером Бокедом?

Хозяин кабинета легко уловил основной акцент визитера, встал на ноги и принялся отвечать на беглом китайском:

– Да когда угодно, уважаемый! Проходите, присаживайтесь!

Немного сомневаясь и тщательно осматривая совершенно пустую от любых плакатов, картинок, полок и офисной техники комнату, азиат прошел к столу и уселся в гостевое кресло. Тут же ему последовало предложение выпить чаю и вопрос:

– По какому вопросу желаете поговорить?

– Да не так поговорить, – гость при этом жестом отказался от предложенного чая, – как просто хотелось бы на него посмотреть.

– Всего лишь? – Сыщик мгновение подумал, потом уселся обратно, придвинул к себе читаемые перед тем правила японской орфографии и, углубляясь в чтение, равнодушно буркнул: – Да на здоровье! Смотрите сколько угодно!

Старик шумно втянул в себя воздух и затих. А Чарли и в самом деле перестал обращать на него внимание. Он уже несколько последних месяцев полагался только на свой несколько странный дар предвидения. Именно этот самый дар потребовал выбрать стезю сыщика, именно этот самый дар помогал терпеливо ждать не только сейчас, но все детские годы, все те тяжкие годы после травмы. И именно сейчас этот дар утверждал, что ничего иного в данной ситуации предпринимать не стоит. Все, мол, идет своим чередом, и форсировать события не следует.

Конечно, насчет того, что случится дальше, в те юные годы странное предвидение молчало глухо, но вот уверенность на сиюминутный момент давало стопроцентную. Потому юный Бокед действовал именно так, а не иначе.

Молчание и «смотрение» продолжались немислимо долгое время: три часа!

Уже и мысли у хозяина «офиса» стали появляться, что дело движется к обеду и следует спуститься вниз в паб, съесть парочку кусочков обжаренной цветной капусты да запить это чистой водой, как странный визитер шевельнулся и продолжил разговор, словно длиннющей паузы в разговоре и не существовало:

- Все-таки клиентов к вам мало захаживает.

- Сегодня вам, уважаемый, повезло: вы первый в очереди, - таким же ироническим тоном ответил парень. - Если очень постараетесь, можете попасть и на послеобеденный прием.

- В самом деле, стоит постараться. - Теперь глаза азиата сощурились так, что превратились в узкие щелочки. - Настолько содержательно и глубоко давно беседовать не приходилось.

- Прекрасно! Всегда рад помочь.

- А я, извините, не помешал вашей учебе?

- Нисколько. За смотрины я денег не беру.

- Да это и понятно. Как говорят у меня на родине: помогающий молчать - не поможет прокормиться.

- Но в ответ порой добавляют: не открывающий рот - меньше объедает.

- О! Вы читали Ци Занляо?

Опять глаза гостя значительно приоткрылись от удивления. Пришлось его немного разочаровать:

- Не то чтобы читал - так, просматривал.

После чего вновь воцарилось молчание. Но ненадолго, минут на пятнадцать. Потом гость вежливо кашлянул, привлекая к себе внимание, и решился все-таки поговорить о деле. Хотя и начал он издали:

– Меня несколько поразила лаконичность вашего объявления, мистер Бокед.

Парень на это только вопросительно подвигал бровями, поэтому гостю, уголок рта которого дрогнул в усмешке, пришлось продолжить:

– И наивысшая категория дел: «невероятные по сложности». Поэтому меня сразу тянет задать первый вопрос: как много подобных дел вам удалось раскрыть, мистер Бокед?

– Не знаю, как к вам обращаться, уважаемый, вы не представились. Поэтому сразу дам ответ, а заодно и напому – вам повезло оказаться в списке первому.

Азиат застыл. Кажется, даже дышать перестал. Потом неожиданно разродился очередной восточной мудростью:

– Начавший первым имеет все шансы как стать самым богатым, так и раньше всех умереть от бедности.

И опять парень нашел что ответить, хотя и потратил на напряженное размышление целую минуту:

– Мечущийся в долгих раздумьях лелеет свои слабости, зато губит инициативу.

Старик на это изречение зашевелился так, что показалось вначале: он рассерженно встает и собирается уйти. Но гость только уселся удобнее и сразу выпалил суть дела:

– Меня зовут Бату Лайж. У меня пропал гонг. Украли. Не мой личный гонг, общины. Причем гонг священный, которому нет равных даже в Поднебесной Империи.

В то время в Европе еще не было даже отдаленного понятия о едином евро, да и Англия впоследствии осталась при своей валюте. Но как только ввели евро, Чарли всегда требовал оплату только в новых банкнотах Евросоюза. А тогда он допускал некоторые поблажки в этом вопросе.

– Какой валютой собираетесь со мной расплачиваться, мистер Лайж?

Азиат опять на несколько минут провалился в раздумья.

– Какой вам будет удобнее. Хоть в юанях.

– Мне будет удобно в фунтах стерлингов.

– Без проблем! – Кажется, старик вздохнул свободно и расслабился: – Сумма?

Молодой сыщик, впервые в своей практике начавший говорить о требуемом гонораре, недрогнувшим голосом поставил перед клиентом свои условия:

– Если я отыщу ваш гонг, вы мне выплачиваете сто двадцать тысяч.

Сумма на те времена более чем огромная. Да плюс ко всему никто из самых знаменитых сыщиков Лондона, а то и огромных сыскных агентств не набрался бы наглости потребовать такую оплату без предварительных расспросов, консультаций и раздумий. Пусть бы даже оно того и стоило.

– Сколько?! – вырвалось из уст клиента. – Да вы надо мной...

Но парень не дал ему договорить. Резко захлопнул книгу, демонстративно посмотрел на наручные часы и констатировал:

– Уважаемый! Вы уже и так потеряли более четырех часов нашего драгоценного времени. Решайтесь!

Старик от такого окрика вначале поперхнулся, потом прокашлялся, а потом... опять замер на два десятка минут в странной прострации. Как чуть позже догадался сам Чарли Бокед – клиент, скорее всего, основательно советовался с собственной интуицией. А может, с предвидением? А может, еще с какими иными потусторонними силами, но факт оставался фактом: первые слова звучали потом хоть и со скрипом, но решительно, с достоинством:

– Хорошо. Я согласен! Что вам для этого потребуется, мистер Бокед?

– Немедленно отправляемся на место кражи!

– Тогда прошу следовать за мной.

И молодой шестнадцатилетний сыщик твердой поступью двинулся к вершине своего профессионального признания.

Глава четвертая

Англия. Чарли Бокед. 1993–2012

Нельзя сказать, что раскрытие первого дела далось начинающему сыщику легко и быстро. В общей сложности, он безвылазно провел в главном здании китайской общины почти две недели. Хотя в принципе дальний пригород Лондона отличался свежим воздухом, относительной тишиной и благодатной умиротворенностью. Кормили, правда, совсем плохо: один вареный рис с какими-то вялеными стеблями травы. Но Чарли не брезговал, потому что видел, как эту пищу едят все. В том числе и старейшина общины, приведший сюда молодого человека. Правда, порцию свою гость съедал только наполовину, искренне благодарил и утверждал, что сыт.

Зато почти без остановки юный Бокед требовал, чтобы ему отвечали на вопросы выбранные для этого обитатели общины. Вопросы были разные и совершенно противоположные, порой полярные по смыслу. Чаще всего вообще не относящиеся к проживанию данных азиатов в Королевстве Великобритания. Вот, скажем, к примеру, зачем было интересоваться подробными деяниями старейшины Бату Лайжа в возрасте от десяти до шестнадцати лет? Или интересоваться у его третьего зятя, как он умудряется сделать из глины уникальную фарфоровую посуду с тончайшими стенками? Или с восторгом выслушивать, какой именно климат в том районе Китая, откуда сюда и перебралось большинство обитателей общинного дома.

Если быть честным с самим собой, то Чарли и сам не знал истинных причин своих вопросов. Разве что имел твердое убеждение: полученные знания потом пригодятся для дачи подробного отчета о проделанной работе. То есть найти сам гонг с помощью своего предвидения ему показалось делом довольно простым, а вот отчитаться и пояснить свои действия – самой сложной задачей.

Ведь объявить себя волшебником, колдуном, экстрасенсом довольно просто, но зато впоследствии это может помешать не только работе, но и жизни как таковой. Тогда как подогнанная в идеальную форму логика и четко выстроенные дедуктивные выводы обязательно создадут сыщику славу если не нового Шерлока Холмса, то уж сформируют не меньший авторитет, чем у Эркюля Пуаро.

Именно поэтому он все ходил, все высматривал и спрашивал, спрашивал, спрашивал. Оставалось только удивляться, как молодого человека выдержал сам старейшина общины. Потому что остальные азиаты посматривали на парня уже с плохо скрываемой ненавистью. Но тому было наплевать. Гонг он с уверенностью, которую подпитывало предвидение, отыскал уже к концу первой недели. А все остальное время только подгонял под итоговый результат свои выводы и следственное коммюнике. Да оно и понятно: зная, где находится украденный предмет, гораздо легче найти взаимосвязи с этим местом именно конкретного преступника. А потом только и останется, что разоблачить похитителя при свидетелях.

В итоге получилось все как в лучших детективных романах. Юный мистер Бокед собрал более половины обитателей общины в главном зале, где и хранился раньше гонг, красочно рассказал им свои размышления и выводы, а потом указал рукой на одну из глиняных подставок для цветов. При этом он старался не спускать прямого взгляда и с главного воришки. А на словах сказал следующее:

– Украсть гонг отсюда в течение часа было невозможно. Разве что лишь выбросив его за ограду общины. Поэтому уникальный предмет просто спрятали... внутри вот этой подставки... – Не успел он это договорить, как вор сделал попытку выбраться из зала. – А вот этого своего земляка придержите! – крикнул Чарли окружающим. – Пусть он все-таки окажет нам милость и ответит на несколько вопросов.

Подставку оторвали от основания, перевернули и увидели, что гонг мирно себе покоится в пустой внутренней полости. Вор тоже убежать не успел. Со старейшиной таки пришлось побеседовать наедине и подробно перед ним отчитаться о своих дедуктивных способностях. А потом и был получен первый, совершенно законно заработанный гонорар.

Так дальше и повелось.

Приходил клиент, излагал суть дела, а Чарли Бокед прислушивался к своему предвидению. Если дело было грязное, опасное или касалось большой политики, сыщик отказывался, не особо при этом вдаваясь в объяснения. А если чувствовал предстоящий успех, смело брался за самые запутанные и безнадежные дела.

Брался и добивался успеха.

А сумма его гонораров росла наравне с его славой и успехом. Про юного, а потом уже взрослого, матерого гения сысского дела писали в газетах, беседы с ним и интервью показывали по всем телеканалам, о нем писали книги и даже пытались снимать фильмы. Несколько раз за него вплотную брались люди из государственных структур, время от времени наезжали ученые, пытались надавить военные и отдел по борьбе с терроризмом. Но от всех удавалось избавиться благодаря все тому же спасительному предвидению. Со временем оно даже модернизировалось в сознании, обрело четкие формы и некую зрительную осязаемость. Научилось порой заглядывать в ближайшее будущее. И выглядело довольно просто: в виде прямой линии с двумя шкалами координат. Вправо шли деления с плюсом, а влево – с минусом. И эта линия действовала во всех случаях жизни.

Даже если это касалось банальных бытовых мелочей. Например, Чарли фокусировал свое сознание на вопросе: «Стоит ли мне съесть вот этот арбуз?» Чаще всего подобные вопросы предвидением игнорировались, некий пульсирующий комочек так и оставался недвижим по центру. Но вот если арбуз содержал слишком много химических компонентов, полученных с удобрениями, то негативное воздействие на организм фиксировалось небольшим смещением комочка влево. То есть самочувствие будет нарушено, тело может приболеть, и нечто важное для обладателя пройдет мимо с нежелательными в дальнейшем последствиями. Арбуз сразу отвергался. Мало того, с помощью предвидения можно было обнаружить яд как в пище, так и в окружающем пространстве. Если бы арбуз был отравлен, то пульсирующий комочек зашкаливал бы влево. Точно так же он себя вел и при опасном, вернее, смертельном загрязнении окружающего пространства. Оттуда прославленный сыщик сбегал очень быстро. А еще правильнее поступал, когда вообще в местах повышенного риска не появлялся.

При сложных, кардинально меняющих жизнь решениях мысленная шкала Чарли Бокеда действовала с той же простотой и эффективностью. Например: пригласил знаменитого сыщика сам премьер-министр на личную беседу, что

надо делать? Да главное – не теряться и, сделав вид, что задумался, быстро составлять список вопросов: «Соглашаться мне на приглашение? Не соглашаться? Действовать самому или подстраховать свой визит с помощью средств массовой информации? Соглашаться ли мне на очевидные предложения премьер-министра? А на его приказы? А на его очень сильные просьбы? Что будет, если я откажусь? А если откажусь частично? А если притворюсь очень больным и слабым? Стоит ли использовать свою инвалидность? Может, сразу следует остаться дома и объявить себя сильно больным? Ага! И опять-таки собрать помимо врачей еще и телевизионщиков?..»

И так далее, и тому подобное. Шкала работала как швейцарские часы, но намного эффективнее и полезнее для ее обладателя. Оставалось только выбрать наиболее приемлемую тактику поведения, маршрут следования и формы прикрытия. И можно было бы отыскать сносные возможности для появления на званом пиру хоть у самых злых людоедов.

Правда, следовало отметить: непредвиденные случайности или катастрофу всепланетного масштаба все-таки предугадать будет трудно. Так, по крайней мере, предполагалось. Потому что случайности есть эфемерности скоротекущие, и они имеют свойство наслаиваться, нарастать в виде снежного кома, ну а про катастрофы лучше было вообще не думать. Потому что уже давно на вопрос: «Стоит ли мне оставаться жить на Земле?» – предвидение нехотя уползло пульсирующим комочком влево и там застывало на середине минусовой шкалы. Что означало только одно: в данный момент кирпич тебе на голову не падает, но из этой обители человечества следует выбираться как можно скорее. Вот только дальше уже никакие хитрые вопросы не могли подсказать гению дедукции, куда и как следует уносить ноги. Паранормальные мозги не справлялись с данной задачей. Наверное, не тот уровень выбранного или слабо прокачанного героя, как подсказали бы создатели компьютерных игр.

Июнь, 2012

Чарли играми не увлекался. Да и вообще к компьютерам относился с некоторой настороженностью и недоверием. И опять тут виной было его уникальное предвидение. Именно оно подсказывало, твердило и напоминало, что общаться с кем угодно через всемирную сеть Интернета несколько вредно для здоровья.

Именно поэтому вся корреспонденция прославленному сыщику шла только по старой, традиционной курьерской почте. А конвертам с написанными от руки адресами мистер Бокед всегда уделял внимание в первую очередь. Об этом знали. Этим пользовались. Это принимали во внимание даже очень важные и высокопоставленные клиенты.

Но когда он получил внушительный пакет из канцелярии премьер-министра Великобритании, поневоле задумался, загружая свою удобную шкалу всплывающими по очереди вопросами. Ответы получались скорее положительными: идти надо. Болеть – не стоит. Соглашаться надо осторожно и со многими оговорками. Имеется прекрасная возможность выторговать для себя и для нужных людей очередные льготы. Вскрыть пакет тоже следует как можно скорее.

Тем более что на лицевой части были выведены адреса и фамилии удивительно прекрасным, каллиграфическим почерком. Настолько прекрасным, что суть вопросов неожиданно изменилась: «Это секретарша? Она красива? Что будет, если я пожелаю с ней познакомиться?»

Ответы шокировали и сводились к одному: «Она вполне себе ничего дамочка, но лучше с ней никогда не сталкиваться на жизненном пути. А встретившись, сжимать зубы и всеми силами делать вид, что ты полный импотент и беспробудный ханжа!»

Пришлось Чарли и в самом деле вскрыть пакет и переключиться на вопросы, связанные именно с приглашением. Тем более что приглашение пришло от такого важного человека и гласило: «Буду рад видеть вас немедленно начиная с момента вручения вам послания!» И подпись. Дата. Все как положено.

Но ведь это же насколько припекло второго человека после королевы, что он не послал за сыщиком свою личную гвардию, а многозначительно пригласил? Да еще и утверждая при этом, что «будет рад».

Естественно, что и на это событие сознание сформулировало главные вопросы и получило примерные ответы.

«Не иначе как планете грозит катастрофа?»

На минусовой шкале отложилась одна четверть.

«О-о! Так, может, мне срочно убежать с Земли?»

Точно такой же результат, как и прежде на подобный вопрос: середина минусовой шкалы.

«Но если я приложу все свои силы и умения для выполнения, скажем так, грядущей просьбы премьера, мне это поможет выжить?»

Пульсирующий шарик нерешительно дернулся и прополз всего на одну десятую по положительной шкале вправо.

– Даже так?! – возмутился мистер Бокед вслух, выбирая в шкафу подходящий для визита фрак. – Но в любом случае это все-таки лучше, чем просто оставаться дома, притворяясь больным?

Шарик резко продвинулся вправо за середину шкалы.

– Ну и ладно. Прогуляюсь заодно. Погодка прекрасная, дождь теплый, умеренный. Авось не растаю!

А мысленно добавил: «И как это я буду общаться с человеком, которого своим внутренним существом ненавижу больше всего? Хм! Как, как! Как и со всеми остальными!»

Нелюбовь, мягко говоря, к англичанам у него с годами нисколько не прошла. Просто перешла в некую иную форму смирения, безысходности и фатализма. А так как причин этой нелюбви не удалось отыскать даже с помощью предвидения, ничего не оставалось, как просто жить и ждать подсказок от судьбы и личной фортуны.

Ехать на своей скромной машине не пришлось, на улице сыщика поджидал сделанный под старину «роллс-ройс». А рядом с водителем терпеливо коротал время доставивший почту курьер. То есть без приглашенного человека им было приказано не возвращаться. Заметив топчущегося на крыльце мистера Бокеда, курьер живо выскочил из машины с огромным зонтом и, прикрывая гостя от

монотонного дождя, перевел через открытое пространство. А потом сыщику ничего не оставалось, как в уютном и сухом салоне роскошного авто еще раз прогнать перед собой слегка изменившийся список вопросов. Новых, разительно отличающихся от прежних ответов Чарли не получил, как и предупреждений об опасности. Значит, дело хоть и важное, но ничем лично знаменитому обладателю дедуктивного метода не грозило.

На второй половине пути на Даунинг-стрит, 10, Бокед решил поварьировать с иными вопросами, пытаясь предугадать повод для такого приглашения. Тут его предвидение помогло очень слабо. Да и когда встреча двух знаменитых личностей перешла в деловое русло, действительность превзошла все ожидания.

– Мистер Бокед, мы прекрасно осведомлены о том, насколько скрупулезно вы храните тайны своих клиентов. – Чопорный, хоть и весьма симпатичный премьер-министр тоже старался держать шею и спину ровно, имея перед собой образец человека с идеальной осанкой. – Но в данном случае я не постесняюсь еще раз акцентировать ваше внимание на тщательном сохранении в тайне того, что вы сейчас услышите.

– Несомненно, сэръ! Можете на меня в этом положиться. Болтливость мне не присуща.

– Спасибо, я не сомневаюсь в вашем слове. Поэтому сразу хочу начать с самого приятного, о чем обычно говорят напоследок. Помимо любого обозначенного вами гонорара я уполномочен ее величеством сообщить, что после раскрытия дела вы будете награждены званием пэра нашего Объединенного королевства.

– Польщен! Весьма!

А что еще оставалось отвечать? Быть пэром Чарли никогда и не мечтал и не хотел, но отказаться от этого – навлечь на себя бог весть что и целый океан гипотетических неприятностей. Тут и с предвидением советоваться не приходилось. И так время от времени наиболее злостные корреспонденты из желтой прессы напоминали обществу, что знаменитый сыщик – это отбросы общества, сын эмигрантов, да еще таких, которые прибыли в добрую, консервативную Англию из Империи Зла.

Так что, с другой стороны, если и в самом деле королева сделает Бокеда пэром, это будет отличным плевком в душу всех злопыхателей и завистников.

Кажется, Дэвид Кэмерон поверил в искренность заверений гостя и позволил себе благосклонно улыбнуться. Слишком рано он праздновал победу и полученное согласие работать, он еще не догадывался о том списке, который предусмотрительный Чарли заготовил со своей стороны.

– А теперь – конкретно о том, чем вам предстоит заняться. Причем все настолько важно и секретно, что мне самому, лично придется вводить вас во все детали.

После чего премьер приступил к повествованию. Вначале толково изложил результаты анализов, сделанных учеными научно-исследовательской лаборатории под руководством Ричарда Гонтери. Показал диаграммы и рисунки как минусового колодца, так и плюсовой воронки. Объяснил последствия опустошительного торнадо и поведал о причинах гибели исследовательского судна. Потом перешел к демонстрации координат новых паранормальных явлений и высказался о возможной глобальной катастрофе с Японскими островами. Вывод о том, что волнами цунами практически смывает все тихоокеанское побережье обеих Америк, сыщик сделал сразу.

А вот сама поставленная задача и место для будущей работы здорово напрягали.

– Решено создать небольшую группу из нескольких ученых, так называемых экспертов. И включить в нее самого прославленного сыщика нашего времени для розыска того, кто создал над Пентагоном минусовый колодец. Наверняка при этом не обошлось без уникальных устройств или приборов, которые настолько меняют силы притяжения нашей планеты. И казалось бы, любое устройство крупнее спичечной головки наши техники могут отыскать без труда, но...

– Пока ничего не обнаружили? – позволил себе угадать Чарли.

– Увы, ничего! – экспансивно подтвердил Дэвид Кэмерон. – Мало того, специалисты в один голос заявляют: что-либо пронести, а потом еще и тайно установить в таком здании, как Пентагон, – немыслимое дело. Да вы и сами понимаете. Поэтому минимальное количество экспертов, привлеченных к этому

делу, в один голос заявили: либо мистика, либо происки инопланетного разума, либо сама наша планета сошла с ума.

Знаменитый сыщик в знак согласия только озадаченно хмыкнул, пригладил указательным пальцем левую бровь и выдохнул первый вопрос:

– А кто строил современное здание Пентагона?

Его высокопоставленный собеседник напрягся:

– Неужели стоит копать так далеко?

– Не знаю. Но в данном случае можно начать хотя бы с этого.

– М-да, боюсь, вы правы. Вот именно поэтому было принято решение на самом высоком уровне о создании смешанной малой группы наилучших, уникальных специалистов. Ну а так как молва о вас гремит по всему миру...

– Молва сильно преувеличивает, – скромно потупился Чарли.

– Тем не менее лучшего сыщика искать нет смысла.

– А кто остальные?

Премьер-министр с готовностью протянул тоненькую папочку, в которой было всего два листочка с биографиями:

– Группа небольшая, по причине особой секретности. Всего трое.

– Так мало?

– Каждый имеет право взять с собой по одному доверенному помощнику.

– Ну мне вряд ли моя секретарша подойдет, – решил сыщик.

– Кроме вас, мистер Бокед, – продолжил премьер, – в группу входят Лилия Монро – руководитель проекта, и Чернов Сергей Николаевич.

– Русский? – не скрывал своего удивления Чарли. Он уже одним взглядом охватил скупые строчки биографии госпожи Монро, а теперь приступил к чтению другого листка. – Ну, с ученой мадам все понятно, а вот он чем нам может помочь?

– В этом есть большой плюс, вы сможете говорить с ним на родном языке.

– Сэр! – Взгляд у Бокеда заледенел. – Осмелюсь напомнить, что мой родной язык – английский!

– Как раз это я и подразумевал, – нагло, не моргнув глазом выкрутился Дэвид Кэмерон. – Академик Чернов прекрасно владеет английским. Но с другой стороны, очень кстати, что вы сами напомнили о своих родителях, которые вас тоже обучили русскому языку. Дело в том, что мадам Монро в младенчестве, детстве и девичестве воспитывалась русской няней, так что она порой гордится своим произношением исконной уроженки Санкт-Петербурга. То есть вам троим легко найти для общения не только английский язык.

– В таком случае вы правы, а я вас неверно понял, – жеманно произнес Чарли, уже второй раз прочитывая биографию незнакомого академика. – Но касательно этого русского... хм... специалиста, не могу понять, почему выбор остановился именно на нем? Здесь написано, что он – самый авторитетный уфолог и знаток паранормальных явлений. Что это значит?

– О! Есть такие сведения, которые никогда не фигурируют в кратких биографиях, – ухмыльнулся премьер. – По данным нескольких разведок, господин Чернов просто уникальный, исключительный человек. И его уже кто только не склонял к сотрудничеству, как в военной сфере, так и в политической. Но академик верен своей непростой науке. Он только благодаря беглому осмотру может дать подтверждение либо тщательно спланированному обману по поводу присутствия или вмешательства инопланетян, либо подтвердить это вмешательство. Точно так же он играючи разоблачает всяких аферистов, пророков и прорицателей, смешивая их с таким дерьмом, что многие знаменитые обманщики постарались просто исчезнуть из своей прибыльной сферы деятельности, когда узнавали о внимании к себе Сергея Николаевича. С

другой стороны, Чернов легко отыскивает именно тех людей, которые каким-то мистическим способом связаны с потусторонними силами. И в гражданском институте с весьма мудреным названием, где он работает, над этими людьми как только не экспериментируют. Естественно, только на добровольной и взаимовыгодной основе.

Предвидение Бокеда в ответ на это даже не шевельнулось. Зато сам сыщик, привыкший полагаться только на себя и свои уникальные возможности, хорошо информированный о подобных «специалистах», не удержался от презрительной улыбки.

– Уфолог? Потусторонние силы? Тогда, может, мы еще и какого-нибудь шамана с собой в Пентагон прихватим? Под грохот бубна и завывание будет еще веселей. – Заметив явную нерешительность и сомнения во взгляде высокопоставленного собеседника, решил надавить: – Признайтесь, сэр: этот Чернов нам нужен как собаке пятая нога. Не так ли?

– Увы, без него не обойтись.

– Да полно вам, сэр! Никогда не поверю, что из почти восьми миллиардов населения не удалось подобрать достойного «третьего» в нашу смехотворно маленькую группу.

Дэвид Кэмерон задумался. Вначале у него мелькнула мысль угостить гостя кофе или чаем. И только потом рассказать о Большой Бунни. Но сразу вспомнил, что еще не выслушал наверняка заготовленный список от сыщика, хорошо известного своей въедливостью и настойчивостью, и сообразил, что с промоченным горлом тот будет гораздо активнее бороться за свои привилегии. Поэтому немного сменил направление разговора:

– Прежде чем я вам открою еще одну тайну, хочу выслушать, чего вы хотите за свою работу помимо гонорара?

– Сущие пустяки, сэр! Сущие пустяки! – Гость достал маленький блокнот, заглянул туда и приступил к перечислению: – Первое. В течение недели следует закрыть газету «Порст». Затем...

– Помилуйте! Но у нас свобода печати! – не удержался премьер от восклицания.

– Я весьма горжусь нашей демократией, но хочу четко размежевать понятия «можно» и «нельзя»! – Чарли потряс записной книжкой. – Здесь сосредоточено то, что можете решить только вы. Я давно ждал от судьбы такого подарка, поэтому приготовился заранее. Чуть позже я вам подробно объясню, почему следует немедленно ликвидировать эту газетенку. Причем это касается не оскорблений в мой адрес, а доброго имени всего нашего государства. Второе: следует немедленно депортировать всю группу эмигрантов, проживающих в старом пятиэтажном здании на моей улице.

– А эти чем вам не угодили?

Знаменитый сыщик подспудно ненавидел англичан, но рьяно любил Англию. А вместе с нею и патриархальных обывателей. Поэтому за консервативный покой на своей улочке был готов сам рвать преступников зубами. Другой вопрос, что рвать лично их никто ему не позволит, да и сил не хватит, а набирающая мощь бандитская группировка в скором времени собиралась наделать немало бед и пролить много невинной крови. Понятно, что чуть позже их можно будет обуздать и силами Скотленд-Ярда, но в данный момент лучше всего было уничтожить преступную группу в самом зародыше. Что Чарли и аргументировал своему собеседнику сжато, доходчиво и бескомпромиссно.

Дэвид Кэмерон тяжело вздохнул:

– И откуда такие только берутся? Видно, и в самом деле пора устанавливать круглосуточное наблюдение в каждом подъезде и на каждой лестничной клетке. Ладно, что у вас еще?

И только когда был принят весь список, премьер понял, что сам сидит с пересохшим ртом и мечтает как можно скорее закончить торговлю.

«Сам себя перехитрил!» – запоздало сообразил он и только тогда предложил:

– Не хотите чего-нибудь выпить?

– От чая не откажусь.

И уже слегка утолив жажду, премьер продолжил разговор о способе подбора группы лучших специалистов на планете:

– У наших заокеанских союзников есть одна очень умная установка, думающая на основе процессоров самых последних модификаций. Ну, может, и не установка. Называется Большая Бунни. Слышали о такой?

Чарли слышал, но своей осведомленности не выдал, потому что информация считалась более чем секретной. Но вслух удивился:

– Очередной компьютерный кошмар? И почему именно Бунни?

– Не столь важно. Вроде у главного создателя была умная овчарка с таким именем, вот он и привязался к нему. Так вот, эта установка в последние месяцы рассчитывает и предсказывает все с точностью до одного процента. А потом еще и дает подробнейшие многотомные объяснения своих предсказаний, расчетов и выводов. Мало того, еще и подсказывает уникальные, но действенные пути выхода из того или иного критического случая. Как вам такой «кошмар»?

Сыщик прищурился:

– Нетрудно догадаться, что это именно благодаря Бунни антикризисные программы США и их ближайших союзников в последние недели резко пошли в гору.

– Иного вывода я от вас и не ожидал. А посему могу заявить: именно Большая Бунни выбрала вас троих для решения этой всепланетной загадки. А с данными ею выводами согласились допущенные к этому высшему секрету аналитики. Теперь вам все понятно?

Бокед думал недолго.

– Несомненно, сэр! Когда надо приступать к работе?

– Немедленно! Академик Чернов уже находится в самолете, вылетевшем час назад из Москвы. Лилия Монро будет встречать вас обоих в аэропорту

Вашингтона. Или уже прямо в гостинице.

– У меня есть время заехать домой?

– Увы, мистер Бокед! Самолет специальной авиалинии ждет только вас. Звоните прямо отсюда своей секретарше, пусть она доставит ваш дорожный несессер прямо к трапу. Всем остальным вас обеспечат непосредственно в Вашингтоне.

Чарли усмехнулся, доставая свой мобильный телефон.

– Да у меня помимо несессера всегда и чемодан с одеждой приготовлен. Алло! Галина, все мои вещи для экстренного выезда грузи в свое авто и гони в аэропорт. Там тебя встретят. Что? На нарушение правил можешь, как ты выражаешься, забить. Клиент оплачивает все расходы!

И уже через пять минут знаменитый сыщик, распроставшись с премьер-министром Англии, покидал особняк на Даунинг-стрит, 10.

Глава пятая

Лилия Монро. Вашингтон. Июнь, 2012

День выдался настолько жаркий и удушливый, что кондиционеры в гостинице не справлялись со своими обязанностями. По этой причине Лилия чувствовала себя словно мокрая половая тряпка: излишний вес заставлял потеть, нервозность – обостренно чувствовать иные неприятные запахи, а нехватка кислорода в помещении – провоцировать еще большее потовыделение. Просторные одежды в виде балахона прилипали к телу, прямо хоть выкручивай! Да и вообще в такие дни и в такой жаре госпожа Монро была готова убивать всех, кто заставит ее оторваться от бассейна с прохладной водой или хотя бы находящейся в двух шагах душевой.

Да только обстоятельства заставляли смирить свою гордыню, затолкать в глубину сознания свое раздражение, удушить в зародыше свой стыд за неприятный внешний вид и заниматься такой неприятной, рутинной

работой. Погибшие не так давно коллеги, друзья и последователи снились чуть ли не каждую ночь, и позволить себе сбежать в заснеженные горы госпожа Монро не могла. Вдобавок на ее плечи легла организация встречи двух коллег по следственной группе, которые вскоре должны были прилететь из Москвы и из Лондона. Причем следовало подготовить не только информацию для тех самых коллег, но и прочесть про них довольно объемистые, пухлые досье. Кстати, досье доставил для ознакомления специальный курьер, серый тип в неприметной одежде. Передал вначале привет от директора ЦРУ господина Леона Панетты и добавил, что, пока мадам читает, он тихонько посидит в другом уголке комнаты. Выносить информацию, а уж тем более передавать ее в другие руки было запрещено.

К тому же сведения и в самом деле могли считаться весьма секретными. Сразу было видно, что шпионы ЦРУ свой хлеб едят не зря: ими собирались даже незначительные факты «трудовой» деятельности как Чарли Бокеда, так и Сергея Чернова. Но если про знаменитого сыщика госпожа Монро была немного наслышана и даже видела его пару раз по телевизору, то вот про русского академика не знала ничего.

Начала с фотографии, внимательно рассматривая симпатичное лицо с волевым подбородком, прямым греческим носом, широким лбом и пронзительным взглядом. Блондин. Прическа несколько старинного образца, со слегка вьющимися волосами. С такой внешностью мужчины, как правило, обречены на успех при знакомстве с любой женщиной. Печально вздохнула и Лилия. С ее ужасным ожирением, нарушенным обменом веществ и кучей сопутствующих болячек, она уже давно поставила на себе крест как на женщине. Давно перестала рыдать над своим уродством и даже привыкла, когда ей прямо в глаза говорили некогда жутко обидное прозвище Колобок. Давно перестала вспоминать свой ангельский вид до шестилетнего возраста и далеко спрятала все фотографии, свидетельствующие о тогдашнем здоровье. Давно перестала обращать внимание на то, как некоторые мужчины флиртуют и подбивают клинья к иным женщинам. Девизом ее жизни стало выражение: «Я живу и существую только для науки! Все остальное не для меня и только мешает достижению основной цели!»

Припомнив это, женщина все-таки не сдержала еще один печальный вздох, стрельнула глазами в сторону замершего в дреме курьера из Управления и перешла к ознакомлению с научной деятельностью Сергея Николаевича. Причем подошла к этому делу как истинный ученый, пытаясь анализировать каждое

открытие, решение или действие академика. И уже к концу прочтения досье у нее появилась четкая уверенность в неправильности такой удивительной карьеры. Что-то сильно смущало, оставляло ощущение какой-то удивительной тайны, недосказанности и даже добавляло в сознание чуточку мистического страха.

Но именно такое мировосприятие всегда возникало у госпожи Монро на пороге удачного научного открытия, значительного прорыва в работе или в скачкообразном понимании окружающего мира. Подобное у нее частенько случалось: учит, зубрит, мечется, доискивается, плачет от бессилия, терзается днем и не спит ночами, поднимает вокруг себя океанские волны и крутые торнадо, всех вовлекает в водоворот своих сомнений и диких предположений. А потом – раз! И неожиданно замирает и телом и сознанием среди вздымающегося вокруг беспорядка, хаоса и сомнений. И в душу приходит то самое чувство дежавю: еще один шаг, и мне раскроется тайна! Еще один шаг, и у меня все получится!

Именно с таким ощущением и замерла госпожа Монро над последней страницей досье русского академика. Что-то ускользало от ее мечущегося сознания, что-то мелькало смазанным пятном впереди, но вот достичь этого пятна прозрения и озарения оказалось очень трудно.

А дальнейшие рухнувшие на голову события так и не дали ухватиться за нить ускользающего прозрения. Дверь номера сорвало взрывом, в коридоре слышались пушечные выстрелы, оборванные гулкой автоматной очередью. Все-таки охрану к ученой даме директор ЦРУ приставил, но она оказалась в тот скорбный час неэффективна. Зато весьма умело, хоть и отчаянно действовал доставивший досье курьер. Сонный вид его исчез в мгновение ока, а в следующую секунду он уже из двух пушек расстреливал в упор пару закутанных в бронжилеты горилл, которые ворвались в комнату. Пушки стреляли как автоматы, да и стрелок оказался более чем метким: оба нападающих с пробитыми черепами завалились спинами на пол. Но следом ломились еще несколько человек, а курьер никак не успевал перезарядить свое оружие. Зато он успел выдернуть откуда-то из глубин потайных карманов нечто наподобие гранаты и швырнуть ее в прихожую гостиничного номера. Когда раздался взрыв, отчаянный парень уже в прыжке долетел до сидящей, словно статуя, женщины и сбил ее на пол. Последнее, что он успел сделать в своей жизни, это прикрыть Лилию Монро своим телом.

Потом опять бабахнуло, все заволкло густым дымом, и несколько раз прострелотали автоматы. А задыхающаяся от страха и от давящей на грудь тяжести Колобок потеряла сознание.

Хотя побыть в спасительном беспомоществе ей удалось недолго. Выбитое пулями или осколками гранаты стекло балконной двери открыло большую дыру, получился сильный сквозняк, снесший ядовитый газ во внутренний коридор гостиницы. Это позволило свободно вдохнуть. Потом сознание потребовало спастись от хлещущей прямо в лицо горячей воды. Пришлось открыть глаза и увидеть страшную картину: прямо из провала пустой глазницы курьера на щеку Лилии хлестала струя крови. Каким чудом ей удалось не захлебнуться, вывернуться, сбросить мертвое тело с себя, выползти на балкон и завизжать голосом раненой пантеры, госпожа Монро так и не поняла.

Хорошо еще, что нападавшие к тому времени скрылись, унеся своих убитых поделывиков и посчитав всех обороняющихся мертвыми. Скорее всего, стреляли по двум телам, лежащим на полу, нисколько не сомневаясь, что прикончат обоих. Затем подхватили досье и скрылись. А перепуганная ученая продолжала кричать с балкона и с ужасом осматривать дыры от пуль на своих просторных, в виде полупрозрачного балахона, одеждах.

Глава шестая

Сергей Чернов. Москва – Вашингтон. Июнь, 2012

Во время всего длительного перелета Сергей Николаевич терзал себя сомнениями на тему: правильно ли он поступил, не взяв с собой Евгения? Причем редкий случай, когда сам приемный младший брат настаивал на поездке именно вдвоем. И аргументировал это в силу своих мистических способностей:

– Мне кажется, над всей планетой сгущается аура смерти и вселенской катастрофы. Поэтому нам следует, о ставляя побоку все соображения конспирации, держаться вместе и работать дружным тандемом. Сам ты можешь и не справиться.

Тогда как старший Чернов возражал не менее веско:

– И какой будет с тебя толк, если тебя арестуют как шпиона и засадят в пыточные подвалы?

– Все равно от меня ничего не узнают.

– Да в этом ты меня давно убедил, но суть не меняется: я все равно останусь один против новых тайн, да еще придется отвлекаться на твое спасение. Оно нам надо?

Евгений пожал плечами:

– Конечно не надо. Но мы ведь вроде перестраховались по всем направлениям? И разве не ты утверждал, что я отныне в полной безопасности?

– Утверждал. И сейчас утверждаю: тебе в России ничего не грозит. Но! США – это не Россия! Там в любом случае имели шансы заметить неразбериху с настоящим Женькой и докопаться до истины. Так что я лечу сам. Вполне возможно, что и сам разберусь. А с тобой будем общаться условленными фразами.

В последние годы академик приложил массу усилий, умений и талантов для полной легализации Найденыша как своего родного младшего брата. Для этого он несколько раз лично смотался в Италию, плотно пообщался с матерью и настоящим братом и с помощью внушительных капиталов устроил так, что подлинный Евгений весьма удачно женился на удивительно смирной неаполитанке, сменил имя и взял ее фамилию. После чего стал жить-поживать да детей наживать. Ну а мать, тоже найдя собственное счастье в новом супружестве, в любой момент была готова выполнить любую просьбу старшего сына. И раз он решил другому человеку дать документы и имя Евгения Николаевича Чернова, то она не возражала. Сделал – значит, так и надо.

Некоторые трения начались с отцом, который проживал в Израиле. Он слишком нагло и интенсивно стал в последние годы требовать денег от старшего сына, мотивируя это своей старостью и слабостью. На самом деле «новый еврей» уже был на пенсии и мог жить в свое полное удовольствие. Еще в первый год своей эмиграции старший Чернов тоже сменил исконно русскую фамилию на еврейскую ортодоксальную, а в остальном жил вполне тихо, не высвечивался.

Отличаясь разве что русским наплевательским отношением к собственному здоровью. А конкретно: с водки перешел на дешевое вино и немилосердно выкуривал в день по три пачки сигарет. В результате такого отношения к собственному телу у него началась закупорка вен на ногах, одну ногу пришлось врачам отрезать сразу, а когда через две недели отрезали вторую, пациент всего лишь шестидесятичетырехлетнего возраста умер прямо на операционном столе. Так что когда сын позвонил отцу в очередной раз, свежее испеченная вдова со странным злорадством поведала о смерти своего последнего супруга, о его сожжении в крематории и с ненавистью в голосе потребовала больше никогда ее не беспокоить.

После этого ничего не оставалось, как запоздало взгрустнуть да почтить память разгульного папаши поминальным застольем.

То есть родственные отношения были улажены, документы в полном порядке, и даже новые отпечатки пальцев во всех регистрах были сделаны с пальчиков Найденыша. Вот потому он и хотел обязательно использовать возможность, которую предоставили академику: взять самого дельного и лучшего помощника.

Он-то хотел, а вот сам Сергей Чернов так и не согласился. Приведя напоследок еще один веский довод:

– Обо мне и так уже все что можно и что нельзя собрали. Теперь только мне моего помощника, сподвижника и товарища засветить не хватает. Одно дело, когда ты просто незаменимый человек для нашего института, и совсем другое, когда я тебя с собой возьму как доверенное лицо на невесть какое важное для всей планеты дело. Пусть даже ты и брат родной – но сразу возникнет огромная куча разных подозрений.

– Жаль. Тем более что дело и впрямь важное.

Евгений уже и сам знал со слов Сергея Николаевича о сути предстоящего расследования и был твердо уверен, что благодаря именно его умениям удастся быстро раскрыть либо воистину заговор инопланетных существ, либо заговор обитателей Земли. Хотя он же и продолжал утверждать, что пока еще земляне не достигли того уровня технического совершенства, чтобы создавать гравитационные разрушители земной коры. Именно о таких устройствах он помнил и знал, что те используются в иных цивилизациях для трансформации и

более удобного изменения материков на необитаемых планетах. Он еще много чего знал, помнил, догадывался и феноменально много умел, но так и остался в Москве. А в спешке и предотъездной суете Сергей Чернов взять хоть одного своего помощника из наилучших тоже никак не удосужился. И не успел, и сильно засомневался.

Потому что и сама его поездка выглядела несколько странно. Никто из официальных научных кругов его не командировал и суть дела не объяснял. Никто из правительственных чиновников, в том числе и сам президент России со своей командой, про связь данной поездки с событиями на Новых Бермудах и о существовании минусового колодца над Пентагоном даже не догадывались. И только сам факт этого незнания мог послужить для обвинения прославленного академика чуть ли не в измене Родине. По крайней мере, будь сейчас времена брежневского застоя, Чернова и к трапу самолета не подпустили бы.

А так все прошло как личное приглашение от главы всеамериканского научного общества «НЛО – в массы!», знаменитого ученого Вилли Ласка. Вилли тоже специализировался на изучении паранормальных явлений, на поиске следов инопланетян и во всем мире считался, пожалуй, самым скандальным, крикливым и безапелляционным приверженцем вездесущего присутствия на земле неопознанных летающих объектов. Причем свою правоту, а вернее будь сказано, свои убеждения профессор Ласка отстаивал всегда с пеной у рта и громогласными криками. И частенько эти убеждения ни на чем конкретном не базировались. Просто ученому страшно хотелось верить в существование «зеленых человечков». Так что если порой и хотели в среде уфологов или поклонников НЛО кого-то уличить в бессистемных, притянутых за уши и беспочвенных гипотезах, то так сразу и заявляли горлопанам: «Тебе (или вам, в зависимости от научного звания) только с профессором Ласка спорить! Он в такое сразу поверит!»

То есть репутация у Вилли была скорее скандальная, чем заслуженная великими научными открытиями или эпохальными выводами. Но Сергей Николаевич заокеанского коллегу терпел, частенько встречался с ним в словесных баталиях и даже допускал в любое время дня в свой институт. По его суммарным с Евгением наблюдениям, этот человек являлся кем-то совсем иным, не тем, за кого себя пытался выдавать. И как заявлял более детально анализирующий разговоры Найденыш, «у этого Вилли в помыслах просматриваются уникальные эманации неземного происхождения. Не удивлюсь, если он просто потомок кого-то из инопланетян, но правда может оказаться намного дальше от моих

предположений».

Вот и сегодняшним утром профессор Ласка примчался в институт, восклицая на ходу в своей привычной манере:

– Новые НЛО! Вблизи Вашингтона замечены новые НЛО!

Так как от него и не то можно было еще услышать, смиренно вздыхающие помощники спихнули гостя на своего шефа и, дав в себе ехидные смешки, разбежались по своим рабочим местам. В громогласно объявляемую новость они не верили совершенно. И это притом, что все являлись и уфологами, и специалистами по поискам пришельцев, которые должны были ловить каждое слово на подобную тему. Причем один из молодых кандидатов еще и вслух осмелился съязвить:

– Вблизи Вашингтона?! А вы еще в Москве?

Глядя ему вслед, Ласка нахмурил брови и проворчал:

– Этот настоящим ученым никогда не станет. – Потом подхватил под локоток вышедшего ему навстречу Чернова и поволок его в кабинет. – Коллега! Уникальный случай, уникальный! Вы не поверите!

– Если не поверю, то уж точно выслушаю, – улыбался Сергей Николаевич. – Чайку не желаете?

– Какой там чай, – восклицал профессор, но дверь тем не менее закрыл за собой плотно, – когда тут такие дела творятся!

Уже в кабинете он многозначительно обвел руками потолок и стены и затем приставил ладони к ушам, как бы вопрошая: «Нас не подслушивают?»

Академик пожал плечами.

– Чай у меня отличный, только что заварил.

То есть он-то был уверен почти полностью в непослушивании своего кабинета, но мало ли что...

Ласка это понял, согласился на чай и продолжил тараторить по поводу просто чудесных снимков, сделанных каким-то туристом. А сам тем временем достал из-за пазухи с десяток распечатанных листков с текстами и диаграммами, цветными рисунками и выложил на стол перед русским коллегой. При этом он опять указал пальцем на глаза и предложил спокойно рассмотреть и вчитаться в предоставленные материалы.

Подборка про минусовый колодец и плюсовую воронку могла увлечь любого специалиста, который хоть что-то понимал в силах притяжения Земли. Ну а сопроводительный текст пояснил практически все основные детали случившегося. На последнем листке было написано приглашение принять участие в расследовании этого дела, подписи не было. Только и говорилось, что билеты на самолет уже оплачены и забронированы. Предлагалось взять самого лучшего и достойного помощника или ученика.

Примерно то же самое вещал вслух и неумолкающий профессор:

– Сергей! Только ты сможешь взвешенно подойти к этому сложному делу и разобраться с этими НЛО. Тебе в этом вопросе доверяют даже больше, чем мне. Поэтому немедленно мчись в аэропорт! Тебя ждут великие дела и великие открытия!

Еще не посмотрев все листки и рисунки, Чернов сразу в душе согласился на поездку. Тем более что мультивизы для посещения любой страны мира у него в паспорте имелись, а переговорить с Найденышем и заскочить домой за сумкой путешественника времени хватало. Поэтому он только и высказал дежурные сомнения, которые присущи каждому человеку, срывающемуся в неожиданную командировку:

– Да я бы с радостью, но это все так неожиданно. Работа горит. Коллеги не предупреждены. В Челябинск собрался...

– Да куда твой Челябинск не денется! Тут такое дело, верное! Тем более, тебе за участие заплатят по наивысшим прейскурантам академика-консультанта.

– О! Ну если так... – А сам тем временем указал на листки и на свои карманы. Дескать, можно ли забрать?

Заокеанский коллега многозначительно скривился и отчаянно замотал головой: нельзя. Потом убедился, что все прочитано и понято, и тщательно спрятал бумаги обратно за пазуху. Еще и зажигалку при этом показал, мол, сожжет, как только представится возможность. Потом вскочил, крепко пожал руку Сергею и, многозначительно глядя в глаза, отчеканил:

– На тебя вся надежда. Дело серьезное, никто другой не потянет! – Он говорил правду. Или, по крайней мере, был уверен в правдивости своего утверждения. – Как вернешься, поделишься своими соображениями!

Да и убежал. Оставив о себе еще одно новое, противоречивое мнение. Теперь уже точно сомневаться не приходилось: вся эта крикливость, излишняя напористость и безумная тяга к спорам – не более чем хорошо прижившаяся маска, которой таинственный профессор пользуется с невероятным умением. И его не совсем лестная репутация увлекающегося, доверчивого чудака – однозначно дутая. То есть тандем братьев Черновых определил важность этого человека правильно.

К сожалению, за время короткой встречи и бурного обсуждения братьям трудно было и новую тему обговорить: а кого же или какие такие силы представляет Вилли Ласки на самом деле? Все-таки получить допуск на работу в самом здании Пентагона, да еще и русскому человеку, дело уникальное. Найденыш только и успел высказаться:

– На месте все прояснится. Как только узнаешь, кто с тобой в одной команде, то легко просчитаешь и того или тех, кто эту команду собрал вместе.

Вот над этим вопросом и думал Сергей Николаевич, когда его в аэропорту Нью-Йорка прямо из одного самолета провели во второй, где он оказался единственным пассажиром. Маленький, скорее всего, частный самолет уже через полтора часа приземлился в Вашингтоне, и русского академика, проведя чисто поверхностный, формальный таможенный досмотр, пригласили в роскошный длинный лимузин. Чернов бывал уже в США многократно, но еще ни разу с ним не обходились так предупредительно, вежливо и с таким почтением. Словно он прибыл по личному приглашению президента.

Но вот дальше начались непонятки. Вначале в автомобиль вместе с академиком уселись два здоровенных воина из антитеррористического подразделения. Закатанные в бронежилеты и увешанные оружием, они могли только одним своим видом отогнать на край земли любую организованную банду. Помимо этого, машину сопровождали сразу четверо тяжеловооруженных полицейских и затемненный джип военного образца. Заметив, как гость удивленно начал крутить головой, встречающий секретарь натянуто улыбнулся:

– Недавно произошел неприятный инцидент с террористами, поэтому и предпринимаются повышенные меры безопасности. Вам не о чем волноваться, господин Чернов! – Этот тоже не врал, хотя в словах и присутствовала толика недоговоренностей.

– Я не волнуюсь. Хотя несколько странно, что такое происходит в столице.

Секретарь вежливо улыбнулся и хотел продолжить объяснения, но тут зазвонил его мобильный телефон.

– Брайан слушает! Да, госпожа Монро, встретили. Все в порядке. Направляемся к месту вашего проживания. Немного недоумевают по поводу такой усиленной охраны. Хорошо, передаю ему. – После чего секретарь протянул телефон гостю:
– Господин Чернов, с вами хочет поговорить госпожа Монро.

Сергей взял аппарат, прижал его к уху и, настроившись на звуковое восприятие, произнес:

– Алло, я вас слушаю.

Помимо умения различать ауры людей и определять правдивость их утверждений Найденыш обучил своего спасителя еще и умению создавать точный, можно сказать, почти идеальный портрет только по звуку голоса. И Чернов всегда обожал вначале просто поговорить с незнакомым человеком по телефону, а потом сопоставить созданный мысленно портрет с оригиналом. Сопоставления всегда были в его пользу, одновременно помогая совершенствоваться в этом волшебном, сказочном искусстве виртуально-пространственного изображения.

Еще больше Сергею Николаевичу нравилось угадывать, как выглядит говорящая с ним женщина. Несколько таких телефонных разговоров переросли даже в скоротечные романы, о которых жалеть не приходилось. Свою сиюминутную собеседницу он только и знал, что по имени да фамилии, ну и по причастности к открытию удивительных феноменов природы с нарушенной гравитацией. Фотографии ученой дамы Вилли Ласка на своих бумагах не распечатал, поэтому было весьма интересно.

Правда, еще до того, как собеседница заговорила, у Чернова перед мысленным взором промелькнула почему-то высокая, облаченная в старинное закрытое платье учительница. Она одной рукой жеманно поправляла очки у себя на переносице, а второй манерно прижимала к уху трубку декоративного телефонного аппарата времен Эдисона. И даже представилась первая строгая фраза: «Молодой человек, вы ошиблись номером!»

Но слова послышались совсем другие, причем на чистом, певучем русском языке:

– Сергей Николаевич! С вами говорит Лилия Монро! – Тон голоса сильный, напористый, пленительный и нежный одновременно. – Рада вас приветствовать в столице нашего государства. И надеюсь, что дальний перелет несколько вам не помешает насладиться коротким путешествием на автомобиле.

И все! Чудо произошло! Образ идеальной, сказочной женщины сразу создался, возник из пустоты пространства, высветился в мельчайших подробностях, запечатлелся в мозгу, будто выжженный каленым железом. Все духовное существо одинокого мужчины зацепилось за этот образ, рассматривая его, словно голографическое изображение, и поворачивая прелестное личико то в фас, то в профиль. Остальной мир вокруг перестал существовать, солнечный свет померк, осязание с обонянием тоже отключились, зато слух обострился десятикратно. А мысленное зрение впервые создало иного человека с такими подробностями, что можно было к этому образу прикоснуться физически, вдохнуть его дурманящий запах и даже, прикоснувшись губами, попробовать нежную, бархатистую кожу лица на вкус.

Такого с Сергеем еще никогда не происходило. Да он даже представить себе не мог, что подобное может происходить с разумными. Ему об этом и Найденыш ни разу не рассказывал. А тут!..

В окружающий мир его вернуло резкое восклицание встречающего секретаря:

– Господин Чернов! Что с вами?! – При этом он наклонился вперед и осторожно коснулся плеча гостя.

Тотчас стали различаться и отдельные слова в трубке мобильного телефона:

– Почему молчите? Сергей Николаевич! Ау-у! Вы там не заснули?

– Да нет, все в порядке. – Академик резко выдохнул отчего-то застоявшийся в груди воздух. – Просто дорога и в самом деле слегка утомила.

– Тогда мы будем подстраиваться под вас, – опять послышался напористый голос Лилии.

И Сергею удалось вставить вопрос:

– В каком смысле – под меня?

– Дело в том, что третий наш товарищ по команде как раз уже подъезжает к зданию, где мы будем проживать. С ним я переговорила раньше, чем с вами. Так он согласился не затягивать время и не отвлекаться на дополнительный отдых, а сразу после нашей краткой беседы и предварительного обсуждения отправиться в Пентагон. Пропуска нас ждут на входе в любое удобное для нас время. Но если вы хотите отдохнуть...

– Так нет проблем! Я тоже чувствую себя превосходно! – Чернов и сам не заметил, как перешел на несколько игривый тон и непроизвольно расправил плечи. – В самолете кормили превосходно, удалось даже поспать, так что будет и в самом деле лучше сразу посетить место нашего предстоящего поиска и составить для себя некое общее представление о нем.

– Отлично! – обрадовалась ученая дама. – Тогда во время нашей предварительной беседы нам подадут поздний ленч, чтобы мы во время работы не почувствовали себя оголодавшими тиграми.

– О! Уважаемая госпожа...

– Давайте проще и по именам? – вдруг предложила женщина, и лицо академика расплылось в предвкушающей улыбке.

– Буду только рад, Лилия! Но хочу заметить, что во время интересной работы я забываю о питье и пище.

– А я, увы, – призналась собеседница, – наоборот, плохо работаю на голодный желудок. И как следствие – всегда переедаю.

Она еще не осознавала, что русский гость ее ни разу не видел даже на маленькой фотографии, а он тем временем лихорадочно размышлял, как можно сразу польстить новой знакомой, а то и воспользоваться при этой лести своими уникальными, таинственными возможностями. Поэтому не придумал ничего лучше, чем похвалить стройный стан и стройный силуэт, которые тоже нарисовало его опытное воображение:

– Сомневаюсь, что с вашей изумительной фигуркой, Лилия, вам грозит банальное переедание.

Тон собеседницы сразу стал другим. Напряженным, слегка растерянным и недоумевающим. А возведенный на пьедестал образ в сознании вдруг нахмурился и приоткрыл губки для рассерженного порицания:

– Сергей, это вы так шутите?

Чернов и здесь оказался в плену стереотипа: женщина, тщательно следящая за своей фигурой, всегда жутко боится, что у нее на бедрах скопился лишний килограмм, страшно закомплексована по этому поводу и страшится, что ее во всеуслышание могут обозвать «толстой». Он ведь и в жутком сне не мог бы себе представить, что появившийся перед ним образ идеальной женщины на самом деле выглядит как безобразный, препротивнейший бурдюк с салом.

Поэтому постарался ответить самым игривым и доверительным тоном:

– Дорогая Лилия! На конкурсе «Мисс Вселенная» я бы сразу огласил вас победительницей!

Все-таки госпожа Монро была истинной ученой. Потому что в повисшей паузе успела сообразить и понять очень многое. А именно: что над ней, скорее всего, нисколько не издеваются, просто не видят. Тогда как слышат хорошо. А голос – это единственное счастье, которое оставалось у несчастной, превратившейся в «толстую корову» женщины. Благодаря ему она умудрялась командовать коллегами, соратниками и даже собирать вокруг себя последователей и ярых поклонников ее идей.

Так что, скорее всего, симпатичный академик повелся именно на тон, обертоны и модуляции, возомнил себе невесть что и теперь вот даже перешел к комплиментам.

Если бы эти комплименты еще не были так жестоки!

Но вслух госпожа Монро только и сказала:

– Мне титул не нужен. Вместо этого я обяжу вас станцевать со мной десяток танцев. Согласны?

– Естественно! Почту за честь!

– М-да? – Взлелеянный образ уже прожигал насквозь своим язвительным, огненным взглядом. – Тогда до встречи!

Короткие гудки отбоя. Мобильный телефон возвращается секретарю, который, несмотря на присутствие двух воинов охраны, пытается скрыть на лице произвольную улыбку. Несколько странное выражение и на лицах охранников. И возникает четкое ощущение неправильности происходящего. Причем настолько глубокое ощущение, что академик покраснел и ему стало душно.

– Жарко! – пожаловался он, хотя даже укутанные в бронежилеты товарищи чувствовали себя комфортно. – Далеко еще ехать?

Секретарь усилил мощность кондиционера, взглянул за окно и с готовностью ответил:

– Минут десять, не больше. Может, желаете напиток со льдом?

– Спасибо, не откажусь. Сок, если можно.

Лимузин оказался оборудован и холодильником со льдом, и мини-баром. Так что когда через довольно узкие ворота въехали во внутренний двор приземистого особняка, Сергей Николаевич опять почувствовал себя в форме и вернул себе должное расположение духа. В чем конкретно проявилось его неправильное поведение при разговоре по телефону, он у секретаря выспрашивать не стал. Нет ничего лучше, чем все проверить собственными глазами и сделать собственные выводы.

И выводы не заставили себя ждать. Ну а глаза, увидевшие то чудо в странном балахоне, которое подошло и протянуло руку для приветствия, чуть не вывалились на покрытую плиткой садовую дорожку.

Но голос! Голос был тот самый! И принадлежал он стоящему перед ним созданию – отнюдь не ангельскому, отнюдь не прекрасному и отнюдь не отвечающему образу той желанной, взлелеянной и выстраданной идеальной женщины.

На этот раз чудо получилось с обратным эффектом: голос тот, а вот все остальное...

– Теперь я могу вас, Сергей, поприветствовать лично, а не по телефону. – И голос Лилии звучал зло, сердито и даже с порядочной толикой ненависти. – Кстати, сразу представлю вам и господина Бокеда. Познакомьтесь.

Да только русский академик никак не мог прийти в себя и стоял с потерянным видом. Только что родившаяся у него в сознании Вселенная сейчас рушилась в тартарары.

Глава седьмая

Трио Экспертов. Вашингтон. Июнь, 2012

Знакомство, хоть и весьма скомканное, состоялось, после чего госпожа Монро провела гостей в маленькую и довольно уютную комнату. Там на столе стояли легкие закуски, кофейник и разные мелочи, которые способствуют быстрому утолению голода.

Двери плотно за собой закрыли и, оставшись только втроем, уселись за стол. Так как оба мужчины выжидательно уставились на единственную даму, то Лилия не стала долго ходить вокруг да около, а сразу перешла к делу:

- Господа! Вы уже знаете, кто вы такие и для чего мы собрались. Сразу хочу сказать, что я здесь не хозяйка и сама была доставлена сюда всего час назад. Здесь же мне удалось переодеться и отмыть с себя чужую кровь, а за этим столом и в этой комнате я нахожусь впервые.

- При чем здесь чужая кровь? - с полным равнодушием спросил Чарли Бокед.

- Да при том, что вы имеете право знать, в чем добровольно принимаете участие. Несмотря на прямую поддержку данного научного расследования самим директором ЦРУ Леоном Панеттой, наши жизни находятся в огромной опасности.

А затем ярко и красочно расписала все, что произошло с ней совсем недавно в гостинице. Про кровь, про гибель курьера, про похищенные досье. Несмотря на всю выдержку и умение владеть лицом, Чернов таки не удержал отвисшую на грудь челюсть. Зато Чарли Бокед нисколько не нарушил свою идеальную осанку. Так и продолжал сидеть ровно, словно на приеме у королевы.

- Нечто подобное я и предполагал.

Монро уставилась ему прямо в глаза:

- Вы отказываетесь от участия в нашем расследовании?

Казалось, что повисшая пауза будет продолжаться вечно, но знаменитый сыщик ответил гораздо раньше, всего лишь через минуту:

- Остаюсь. Теперь нам отступать уже нельзя. Будет только хуже. Для всех.

Коллеги по команде ему поверили сразу. Причем лично Чернов еще и насторожился: в словах Чарли таилась страшная, неумолимая правда. Если отказаться от расследования, может произойти катастрофа. И нетрудно было догадаться, какого масштаба будет эта катастрофа.

Затем Сергей приложил всю силу воли, чтобы его обращение по имени прозвучало легко и естественно:

– Лилия, а кто еще нам будет помогать при обследовании Пентагона?

Тем самым он подтверждал свое окончательное участие в рискованном мероприятии. Женщина это поняла, и голос ее из обозленного стал более нейтральным:

– С минуты на минуту должен подъехать еще один человек, которого я приписала к себе как доверенного помощника. Хотя он фактически мой непосредственный шеф, директор нашей научной лаборатории Ричард Гонтери. Зато его не надо вводить в курс дела, с самого начала он знает все. – Так как выражение лиц обоих напарников не изменились и вопросов не было задано, Монро догадалась, что с ее начальником и коллегой те незнакомы. Поэтому с явным подтекстом и язвительностью добавила: – Великолепный, гениальный ученый, несмотря на свой высокий рост и несколько нескладную фигуру.

Русский академик опять почувствовал, что краснеет. Так в своей жизни он опростоволосился впервые. И чем больше утекало минут, тем значительнее он осознавал с вою ошибку и понимал ту обиду, которую он нанес больной, страдающей от ожирения женщине. Конечно, еще следовало разобраться, почему произошло такое досадное недоразумение, почему его умение распознавать человека по голосу и мысленно рисовать портрет дало такие жуткие сбои, но это дело могло и подождать. А вот как извиниться и дать хоть какие-то объяснения своим неосторожным словам, следовало придумать как можно скорее. Иначе укоры совести замучают. Да и сама жертва, похоже, не остановится, а так и будет изводить язвительностью да неприязнью.

Но извинения лучше всего принести наедине, а не под пристальным взглядом этого прямого, словно проглотившего метр англичанина. Так что придется ждать удобного момента. А если обычные извинения не подойдут, то, может, следует и приоткрыть некоторую тайну по поводу своего умения составлять

портрет человека только по одному голосу.

А сейчас он не нашел ничего лучше, чем миролюбиво заметить:

– Я сужу о человеке не по его фигуре, а по его деяниям. – Правда, тут же развел руками и таки не удержался от некоего подобия извинений: – Хотя порой весьма грешен и пытаюсь мысленно рисовать портрет человека только по его голосу.

– Разве такое возможно? – приподнялись брови английского сыщика.

– Ну, в некотором роде. Раньше у меня всегда получалось.

– О! Невероятно ценное умение! – Похоже, Чарли Бокед поверил в это умение сразу и полностью. – Если бы мне ваши таланты, господин Чернов, я бы проделывал всю свою работу, не выходя из собственного дома.

– Да какие это таланты, так, баловство и не больше, – отчего-то смутился Сергей, отводя глаза в сторону от пристального взгляда жутко полной и некрасивой женщины.

Тогда как она решительно взяла нити всего разговора в свои руки:

– О талантах будем спорить позже, сейчас переходим к основному.

На свободный край стола легла папка с распечатками схем и рисунков. Первый листок пошел по рукам.

– Прежде чем отправиться в Пентагон, вы должны знать, что мы собираемся искать. По нашим предположениям, искомая установка, или прибор, или устройство, может иметь вот такие примерно конфигурации... Или вот такие... А на этом листке – очередной вариант. Вот здесь еще несколько. И еще.

Первым нарушил свою невозмутимость Чарли Бокед.

– Но здесь нигде не указаны размеры!

– Увы, они могут варьироваться от периметра остова всего здания до размеров этого стола. А то и меньше. Зависит от источников питания и способа подводки энергии.

– Так это – полный нонсенс! Искать не знаю что! И там, не знаю где!

– Почему «не знаю где»? В Пентагоне!

– Извините, мадам, погорячился.

Но Лилия вдруг и на прославленного сыщика взъелась:

– Не мадам, а мадемуазель!

– Тысяча извинений, мадемуазель! – Теперь Бокед вскочил на ноги и даже неловко поклонился, ничуть не согнув шею.

Рассерженная ученая дама только кивнула, принимая извинения, но бросила при этом выжидательный взгляд и на русского академика. Мол, ты еще хоть слово вякни! Сергей Николаевич благоразумно промолчал, хотя и у самого на языке вертелись аналогичные вопросы. Отыскать нечто совершенно непонятной конфигурации и размеров в таком огромном здании, как Пентагон, было делом почти абсурдным и бесполезным.

Промолчал и только с более пристальным вниманием стал вглядываться в рисунки и чертежи. При этом мелькнула мысль, что и Найденыш не знает, как даже примерно выглядит гравитационный разрушитель. О существовании подобного Евгению известно, а вот как он выглядит – понятия не имел. Да и нет его рядом. И как самому выбрать хоть что-то подходящее среди более чем двадцати рисунков, чертежей и набросков?

Но чем больше Чернов к ним присматривался, тем более дельные мысли у него в голове возникали.

– А кто рисовал вот эти все варианты?

– Мой шеф Ричард Гонтери, я и еще несколько сотрудников института, которым известно про гравитационные возмущения и они частично могут представить себе силы, способные вызывать такие возмущения. Дальше мы отталкивались от возможного... ну и капельку от невозможного.

– Понятно! – Академик помассировал виски, словно собираясь решить сложнейшее алгебраическое уравнение. – Ну а вы сами, Лилия, какому варианту отдаете предпочтение?

Монро быстро выбрала три вполне четких и понятных рисунка:

– Вот этим.

– Хм! Самые сложные. – Заметив, как женщина стала хмуриться, Чернов поспешил продолжить: – Я предлагаю вот что... – Он вопросительно обернулся к знаменитому сыщику. – Насколько я про вас слышан, господин Бокед, у вас просто уникальная интуиция, дар предвидения и просто феноменальные дедуктивные способности. Не скрою, у меня тоже есть нечто, что я могу назвать подспудным чувством на научное открытие. То есть как повышенный нюх у собаки. Утрированно, конечно, но вы меня понимаете?

– Несомненно, господин Чернов.

– Так вот, давайте попробуем соединить наше умение, наш талант прочувствовать нужное направление предстоящих поисков. Для этого уважаемая мадемуазель Монро будет брать в руки очередной рисунок и решительно говорить: «Именно так выглядит гравитационный разрушитель!» Вернее, не так! «Вот этот рисунок наиболее соответствует...»

Стоило видеть, как сразу напряглась и подалась вперед вышеназванная мадемуазель.

– Разрушитель?! Почему вы его так называли? Вам что-то известно о подобном устройстве?

«Проговорился! – досадовал на себя Чернов. – Надо лучше следить за своими словами и думать, прежде чем ляпать языком! И так уже наговорил этой

толстушке кучу незаслуженных комплиментов. Теперь попробуй выкрутись!»

Тогда как в ответ вполне естественно пожал плечами:

– А как еще эту штуковину прикажете называть? Мне кажется, это самое подходящее обозначение. И что вас так смутило?

– Да так... – Женщина расслабилась и вновь оперлась на спинку стула. – Мы назвали это преобразователем, но ваше название будет более верным. Все-таки идет пусть и временное, но разрушение гравитации.

Затем она кивнула, как бы соглашаясь с такими разъяснениями и призывая коллегу продолжить изложение своего плана. Тот и продолжил:

– После каждого такого утверждения мы прислушиваемся к своим чувствам и ставим у себя на бумаге оценки вероятности по десятибалльной шкале. Какой из рисунков наберет большее количество баллов, тот и постараемся рассмотреть и обсудить более пристально. Договорились? – Так как товарищи по команде согласно промолчали и стали готовиться, Сергей продолжил, доставая и свою любимую авторучку с блокнотом: – Приступаем!

Монро брала рисунок, выставляла его перед собой и торжественно изрекала:

– Именно этот рисунок наиболее соответствует чертежам гравитационного разрушителя!

Очень убедительно получалось с ее удивительным и проникновенным голосом. Любой другой человек сразу за каждый рисунок лепил бы отметку в десять баллов не раздумывая. Но только не два уникальных индивидуума, собранных в этом месте по рекомендации удивительной полумразумной машины с собачьей кличкой Большая Бунни. Что Чарли, что Сергей прикрывали глаза, немного задумывались и только после этого рисовали у себя в блокнотах соответствующую их мнениям циферку.

На каждый рисунок уходило по полминуты, и справились довольно быстро. Но как раз перед подведением итогов в комнату вошел высоченный, баскетбольного роста Ричард Гонтери. Так что пришлось немного прерваться,

познакомиться и ввести нового соратника в курс проводящегося эксперимента. А уже потом перейти к подсчету выставленных баллов.

Результаты поразили всех. Хотя понятно, что ни Бокед о своем феноменальном предвидении не стал распространяться, ни Чернов кричать не стал о своем умении отличить правду ото лжи. Но суть от этого не изменилась: на все второстепенные рисунки оба уникама поставили оценки от одного до трех баллов. Тогда как на один из них ученый-уфолог поставил восемь баллов, а знаменитый сыщик целых девять.

Несмотря на свой огромный рост и тоже немалую мировую известность, Гонтери быстро вошел в коллектив, чувствовал себя раскованным и не стеснялся высказывать свои восторги порой в несколько простецкой, грубоватой форме:

– Нет, с такими парнями работать нам будет одно удовольствие! Радуйся, Лилия! И нечего на меня своими глазами зыркать! Смотри, как все просто получилось!..

– И чей это рисунок? – спросил Чернов, уже заготовивший хвалебное восклицание для толстушки. Но потешить ее самолюбие не удалось.

– Не наше! – признался шеф института. – Это один наш юный фантаст, над которым мы смеемся, что он оторван от действительности. Но он мне довольно подробно рассказал, что здесь, почему и как.

После чего Гонтери пустился в дебри таких сложных и запутанных научных понятий, что у англичанина и русского уже на второй минуте глаза покрылись поволокой полного оупения. Хорошо, что Монро это заметила и перебила своего шефа на полуслове:

– Ричард! Все эти детали не имеют к делу никакого отношения. Давайте лучше все-таки поспешим в Пентагон и уже там, на месте...

Чарли Бокед поднял ладошку, прося слова:

– Не лучше ли будет, если мы здесь и сразу попытаемся рассмотреть архитектурные детали главного здания? И если отыщем совпадения с

конфигурацией прибора, то впоследствии сэкономим для себя много времени.

– К сожалению, вся информация о здании и методах его строительства нам будем предоставлена только на месте, – прояснила ситуацию Монро. – Вынести оттуда что-либо тоже будет проблематично. Поэтому запоминайте этот рисунок, допивайте кофе, кто желает, и будем двигаться.

И опять Сергей Николаевич вдруг поймал себя на мысли, что ему хочется закрыть глаза, вновь воскресить перед мысленным взором облик своей идеальной женщины и... пасть на колени с извинениями.

Резко выдохнул, стрельнул воровато на остальных коллег по команде глазами и покорно пристроился в хвост колонны, которую, естественно, возглавила не кто иная, как Лилия Монро.

Глава восьмая

Команда экспертов. Пентагон. Июнь, 2012

Непосредственный проход в здание Пентагона превратился для четверых соратников в эпохальное по сложности событие. Судя по длительным, нудным, а порой и унижительным проверкам, кто-то могущественный весьма жестко приказал создать максимум преград на пути нежелательных визитеров. В одном из помещений пришлось даже раздеться догола, а потом получить собственную одежду уже из окошка в другой комнате. Неизвестно, как к этой процедуре отнеслась мадемуазель Монро, но в компании мужчин громче и витиеватее всех возмущался Ричард Гонтери. А некоторые его выражения ну никак не согласовывались с его мировой известностью и авторитетом ученого. Скорее они соответствовали образ у портового бича. Чего только директор знаменитого института не высказал во время своего все усиливающегося ворчания.

Академик Чернов молчал как рыба, хотя все его внутренние эмоции и недовольство читались прекрасно по лицу. Граждан России, побывавших в этом знаменитом на весь мир здании, и так можно было сосчитать на пальцах одной руки, так что ему просто по всем понятиям следовало тщательно скрывать свое

недовольство.

И только знаменитый Чарли Бокед являл собой образец невозмутимого стоика и снисходительного флегматика. Он даже улыбался время от времени, словно находился в театре комедии или в цирке.

Но когда вся команда собралась вместе и приставленный к ним сопровождающий, в звании подполковника, поинтересовался, чего они хотят, именно Бокед довольно жестко потребовал провести их туда, где они могут спокойно и подробно просмотреть все архитектурные планы здания. Офицер и в самом деле оказался весьма информированным в любых вопросах.

– Самый нижний подземный этаж является тайной даже для высшего командования. Туда можно попасть лишь после письменного приказа президента. Как и просмотреть планы того самого, второго этажа.

– Хорошо. Вначале показывайте все остальное, – легко согласился сыщик, – а там, глядишь, и приказ подоспеет.

– Следуйте за мной!

Комнату и в самом деле предоставили такую, что на стоящем там столе можно было разложить все планы и чертежи чуть ли не одним слоем. Но все равно их оказалось так много, что только на поверхностный осмотр ушло почти четыре часа.

Первым не выдержал Ричард Гонтери. Тем более что он уже несколько раз ловил на себе умоляющие взгляды своей подчиненной. И уж кто, как не он, знал, насколько тяжело приходится Колобку, если она хоть раз в час что-нибудь не перехватит или не пожует. И так было удивительно, что она промолчала столько времени.

– Господин подполковник! Какие у вас распоряжения насчет нашего обеда?

– Любые. Вы имеете право посетить любую нашу офицерскую столовую и взять себе те блюда, которые вам понравятся.

После этого захлебывающуюся слюной Лилию Монро уже было не остановить.

- Так чего мы тут расселись?! Немедленно отведите нас в ближайшую столовую!

Подтянутый и стройный сопровождающий кое-как постарался скрыть наглую ухмылку, возникшую у него на лице после таких требований толстощекой дамочки. Молча встал и направился к ближайшему месту со вкусной и здоровой пищей. Хотя, глядя на холеную, наглую рожу штабиста, не только Сергею Николаевичу хотелось пройтись по ней кулаком. Уже в самой столовой академику неожиданно подмигнул господин Бокед:

- Не обращайтесь внимания. Наша сила не в кулаках и не в оружии, наша сила в наших знаниях и талантах. А бить морду таким хамам – это самих себя не уважать и играть по чужим правилам.

Сергей вместо ответа просто крепко пожал руку сыщика и благодарно кивнул. То есть между такими разными на первый взгляд людьми незаметно образовался прочный мостик взаимопонимания и симпатии. Хотя изначальные причины и крылись где-то глубже, возможно, хотя бы в том самом эксперименте с циферками и баллами. Ведь оба в своих оценках показали удивительное единство и расходились во мнениях на единицу, максимум две. А это уже дорогого стоило!

Кормили здесь недурственно, все-таки сплошная элита, штаб всех сухопутных, морских и военно-воздушных сил самой раскиданной по всем уголкам планеты армии. Хотя обстановка к длинным посиделкам или праздным застольям совсем не располагала: каждый столик был всего лишь на две персоны, да ко всему прочему оказался наглухо прикручен за ножки к полу. Наверное, для того чтобы не сдвигали столы в один ряд и не устраивали дружные празднования, юбилеи или чествования побед.

То есть только и удавалось, что поставить свой поднос на стол да иметь перед собой всего одного собеседника. Хотя за добавкой ходить не возбранялось сколько угодно раз. Лилия встала к линии раздачи самой последней и, когда мужчины уселись в зале сравнительно рядом, не села на пустующее место рядом со своим шефом, а специально разместилась в иной стороне вместительной столовой. Ее и видно не было остальным. И сделала это по одной весьма банальной причине: ей хотелось не кушать, а жрать. Но если Ричард

Гонтери давно привык к неумному аппетиту своей подчиненной, то показывать себя несдержанной обжорой перед сыщиком и особенно перед академиком из России несчастной толстушке не хотелось.

Поэтому наедалась и бегала за внушительной добавкой в гордом одиночестве. Еще и разные вкусные мелочи припасла в свою дамскую сумочку. Потому что в мыслях проскочило некое дальновидное размышление: «Наверное, здесь и заночуем!»

Зато после этого хоть стала лучше соображать. Расслабилась и даже мысленно заранее простила нечаянные оскорбления со стороны симпатичного Сергея Николаевича. Хотя еще совсем недавно, на голодный желудок, готова была оставаться непримиримой и не поддаваться ни на какие извинения до конца собственной жизни.

«Ведь все равно понятно по его виду и намерениям, что извиняться станет при первом же удобном случае! – несколько злорадно размышляла она, когда вся команда опять возвращалась в комнату с чертежами. – А вся моя вселенская доброта будет зависеть от сытости моего желудка. Интересно, когда он отыщет повод и какой именно?»

Но и следующие три часа корпения над схемами и пыльными истрепанными листами прошли в нудном, безрезультатном поиске. Что только ни рассматривали, как ни крутили и ни ставили с ног на голову, ничего сходного с памятным рисунком отыскать не удалось. Подтянутого подполковника, сидящего возле двери, уже давно сменил иной, совершенно однотипный офицер, а четыре соратника все больше разочаровывались в своих способностях. Разве что англичанин не унывал.

– Коллеги, мы на верном пути! Невзирая ни на что – добьемся успеха!

Ричард Гонтери посмотрел на него с упреком:

– Время! Время течет неумолимо, и никто из нас не может предвидеть, когда начнется катастрофа. Гравитационные аномалии растут ежеминутно! Если беда через месяц, то все равно страшно, а если через неделю? Если потоки магмы уже ударяются в земную кору и пытаются прорваться как раз в Японском море? Мы не знаем точно, когда включили это проклятое устройство, поэтому должны

рассчитывать на самый худший вариант.

– Ха! Если рассчитывать именно так, то здание надо взрывать уже завтра!

Этот неожиданный вывод Бокеда без малейшего возражения поддержал Чернов:

– Только так! Как по мне, то я вообще удивляюсь всей этой таинственности и секретности, странной возне американского правительства вокруг всепланетной опасности. Следовало уже сегодня эвакуировать из Пентагона всех людей до единого, завтра вывезти секретные документы, сделать несколько пробных точечных взрывов, а уже послезавтра уничтожить здание полностью. Вплоть до тех самых таинственных подвалов.

Директор НИИ потерял дар речи от рвущихся из него возражений, зато вместо него ответила мадемуазель Монро:

– Сергей, не все так просто, как кажется постороннему человеку. Пентагон – это не просто символ для каждого американца, это символ непоколебимости и мирного благополучия для всей остальной планеты.

– Да отбросьте вы свой пафос и посмотрите правде в глаза! – Русский академик даже хохотнул от возмущения. – Здесь не детский сад, и уничтожение всего Японского архипелага, а впоследствии и большей части береговой зоны Тихого океана заставит возмущенное человечество утопить Пентагон вместе с его подвалами и тупыми солдафонами в слюне от презрительных плевков. Мистер Бокед прав, и я еще раз повторю его слова: здание следует взрывать как можно быстрее.

– Вот! Вот именно этим мы и отличаемся от граждан других государств! – наконец-то получил возможность показать свой патриотизм высоченный Ричард. – Это исконно русская традиция: сразу все уничтожить. Так что, господин Чернов, не обижайтесь, но вы очень и очень не правы вместе с мистером Бокедом. Неужели вы думаете, что директор ЦРУ не довел опасность данного положения до президента? Неужели вы думаете, что там и без вас не додумались до того, что здание, возможно, придется взрывать? Неужели...

Но его довольно тихо и спокойно прервал знаменитый сыщик:

– Да! Есть такие подозрения, что и не довели, и не додумались, и не сообщат о грозящей опасности. Уж вы-то должны понимать, что вокруг творится? И где именно этот ваш минусовый колодец находится, не забыли? И то, что о нашей пропаже или смерти во всем мире узнают не скоро?

Такой поворот обвинений несколько сбил Гонтери с мысли, озадачил до такой степени, что он достал свой гигантский носовой платок и стал вытирать покрасневшую лысину.

– Пусть даже так! Но нам, именно нам четверым, дали все-таки шанс отыскать опасность, распознать ее и помочь ликвидировать. И несмотря на поджигающее нас время, мы просто обязаны выполнить поставленную перед нами задачу.

Англичанин вежливо напомнил:

– Так ведь я и начал разговор с утверждения: мы добьемся успеха! Не так ли?

– Хм? Ну да, ну да. – Ричард растерянно повернулся к своей подчиненной, словно ища у нее поддержки.

А ведь Монро и так считалась номинальным руководителем группы собравшихся здесь экспертов. Поэтому она и подвела итог несколько противоречивым прениям:

– Время у нас еще есть, но очень мало. Значит, мы должны поработать внеурочно. А для этого нам нужны три вещи. Первое: регулярное и полноценное питание. Оно у нас есть, как тут сообщили, круглосуточно. Второе: наше всеобщее желание остаться здесь на предстоящие сутки. Ну и третье: договориться о дальнейшем пребывании с директором ЦРУ. Последнее мы можем сделать, связавшись с Леоном Панеттой очень быстро. А вот как по поводу второго пункта?

Причем своего шефа и соратника по институту она не спрашивала. Да тот и сам выжидательно уставился на заморских гостей. Первым улыбнулся Сергей Николаевич:

– Готов работать и ночами. Чем быстрее мы тут закончим, тем быстрее я вернусь к незаконченным делам у себя дома.

– Мне тоже нет смысла задерживаться в Америке, – с некоторой напускной грустью признался Бокед. – Меня в Англии ждет торжественная церемония приема в пэры. А сами понимаете, насколько это хлопотно и ответственно.

– Да, да, да, – с искренним сочувствием закивала Лилия. – Примите наши искренние соболезнования, а также заверения, что и лишней минутки задерживать не станем. А вот вам, Сергей, – она уставилась строго на Чернова, – так быстро отсюда не вырваться. И знаете почему?

– Мм? – Академик в недоумении замер, глядя, как деловито женщина достает из своей просторной сумочки телефон спутниковой связи.

– Да потому, что я в кои-то веки получила приглашение потанцевать. Так что... – Она уже набрала нужный номер и прижала телефон к уху, но в ее голосе не проскользнуло ни капли жалости или насмешки: – Вам придется меня морить танцами до упаду. Как у вас там говорится? Назвался груздем... – Тут, видать, на линию связи вышел сам Леон Панетта, потому что грудной, приятный голос Лилии стал почти бесцветным и чисто деловым: – Здравствуйте! Все отлично. Сравнительно. Нет, раз покушение я пережила, то дальше умирать не собираюсь. Здесь определенные трудности. Пока не отыскали чего-то неординарного. Поэтому решили оставаться здесь и работать ночью. Ну разве что пусть нам предоставят комнату для короткого отдыха. Нет, на роскошные спальни мы не претендуем. Ага! Уже есть такое разрешение? Только и надо, что обратиться к сопровождающему? – Монро хмуро стрельнула глазами в сторону дремлющего возле выхода подполковника. – Спасибо, что просветили, господин Панетта. Мы очень признательны! Да, если что, сразу позвоню. Хорошо, среди ночи тоже не постесняюсь. Всего наилучшего!

Она отключила телефон и молча обвела коллег по команде глазами.

За всех мужчин ответил Чарли Бокед:

– Все было слышно, все стало понятно. Поэтому предлагаю заняться визуальным осмотром здания прямо сейчас. Может, взгляд и уцепится за что-то важное.

Высоченный Гонтери кивнул, не замечая, как маленькая по сравнению с ним Монро пытается заглянуть ему в глаза. Зато этот взгляд уловил и правильно интерпретировал Сергей Николаевич:

– Прошу прощения, коллеги, но ведь уже время ужина? Поэтому предлагаю вначале подкрепиться, осмотреть наше предстоящее место ночного отдыха, а уже потом двинуться в пешую прогулку по одной из самых огромных туристических достопримечательностей нашей планеты.

Его не слишком напугала угроза затанцевать до смерти, но помимо воли хотелось упредить желания этой странной толстушки. И кажется, в ответ он успел уловить мелькнувший отблеск благодарности. Теперь уже точно мадемуазель Монро не придется на ходу доставать из своей сумки прихваченные в столовой продукты.

Ужинали быстро, опять в разных местах. Затем их проводили к комнатам отдыха, и это вызвало наибольшее разочарование. Особенно у Колобка. Комнаты были четырехместные, в виде миниатюрной казармы или тюремной камеры; кроме тумбочки и кровати со сложенными стопкой простынями и одеялом, ничего спящему человеку не полагалось. Причем в «дамской комнате» уже спала на кровати одна из военнослужащих, а две раскладывали свои вещи в тумбочках. У мужчин пока соседа не наблюдалось. Но именно этот аспект показался Лилии наиболее обидным:

– У вас хоть одно место свободное, а у нас – переполнено.

– Сущий пустяк, дорогуша, сущий пустяк! – пытался басовито утешить ее Гонтери. – Сожительницы у тебя тихие, к дисциплине приученные, так что выспишься – всем на зависть. А вот мне какво придется? Только на спине спать да ноги в спинку кровати просовывать.

– Можно матрас на пол кинуть! – предложил Сергей Николаевич, когда они уже шли от жилого сектора к центральным помещениям. – А то и два, если соседа не будет. У нас в России таким высоким служакам всегда специальные места для сна выделяют и порции двойные положены. Ну и все остальное.

Хотя было это сказано без задней мысли, но госпожа Монро приняла оговорку о двойной порции за камень в свой огород. Поэтому чуть ли не на шепот перешла

от злости:

– Господа! Не забывайте, где вы находитесь и с какой целью! Так что советую лучше собственное внимание удвоить и смотреть в оба! Мы не на пикнике и не на туристической прогулке!

Чарли Бокед и так находился в состоянии повышенного внимания, поэтому шепот на свой счет никак не отнес и проигнорировал. Ричард Гонтери поперхнулся заготовленным для русского коллеги ответом и с вытаращенными глазами уставился вслед своей подчиненной. Скорее всего, в его адрес она еще никогда себе так шипеть не позволяла.

Тогда как господин Чернов неожиданно даже для самого себя успел при последних восклицаниях толстушки прикрыть глаза и прислушаться к своему внутреннему, умеющему создавать образы чувству. И, о диво! Опять пред ним коротко мелькнуло личико той самой идеальной, взлелеянной в мечтах женщины! Только на этот раз она капризно сложила губки бантиком и готовилась заплакать.

И пришло странное наитие, что шипящая от злости Колобок в данный момент просто обижена неудачным напоминанием и готова на самом деле расплакаться. Поэтому вылетевшие дальше слова показались самыми естественными:

– Лилия, да перестаньте вы обращать внимание на наши грубые мужские шутки. Выше нос и шире улыбку! Все будет хорошо!

Вначале показалось, что Монро сейчас испепелит академика взглядом или разразится истерикой. Но она вдруг фыркнула:

– Как же! Хорошо... спать в казарме? Тем более что у меня возникли твердые подозрения... – Она резко сменила тон и повернулась к бредущему следом подполковнику: – А несколько иные, комфортные комнаты отдыха здесь имеются?

– Не могу знать, мадам! – нагло соврал тот. – У генералов свое отдельное крыло.

Хотя было понятно, что и для среднего офицерского звена отыщутся помещения более удобные. А в предоставленных нежелательным гостям каморках коротал время вынужденного отдыха младший сержантский состав. Но, судя по прищуренным глазам Колобка, она эти свои выводы не забудет и вскоре кому-то из здешних генералов мало не покажется.

Глава девятая

Команда экспертов. Пентагон. Июнь, 2012

Естественно, что без предвидения знаменитого английского сыщика команда могла ходить по преогромнейшему зданию десятилетиями, но так ничего толкового и не сыскать. Другой вопрос, что своему предвидению Чарли Бокед тоже не мог поставить конкретную задачу, потому что при всей его фантазии не мог себе четко представить перед глазами тот самый прибор или устройство, которое недавно русский академик назвал гравитационным разрушителем. А попросить о дополнительной помощи у знающих вопрос ученых не имел права. Иначе придется раскрывать перед ними свою самую главную, тщательно скрываемую от всего мира тайну. Хотя о его предвидении уже не раз кричали прозорливые газетчики и телевизионщики, но все эти крики тонули в океане других гипотез и предположений, поэтому от истины правильные догадки простых обывателей только отдаляли.

Но данные коллеги – это не среднестатистические жители планеты. Особенно господин Чернов поразил своим, как он выразился, «научным нюхом» чувствовать научные сенсации. Хотя если вдуматься лучше, то, скорее всего, и у академика имелся некий секрет то ли в виде предвидения, то ли в виде еще какой паранормальной способности. И все больше догадок у Бокеда мелькало по поводу живого, ходящего совсем рядом и очень хитрого «детектора лжи». Причем уже и наметилась в уме целая программа, с помощью которой Чарли вознамерился подтвердить или опровергнуть свою гипотезу. Естественно, что если предположения утвердятся, то заявлять об этом кому-либо еще было бы сущим безумием. А вот каким образом использовать эти сведения и умения коллеги лично для себя, прославленный сыщик еще не продумал. Хотя вначале еще следовало разоблачить, а потом отыскать время.

Но в данный момент, несмотря на приятно урчащий в желудке неплохой ужин, Чарли постарался полностью сосредоточиться на мысли: где можно отыскать в этом здании нечто инородное, чужое и похожее на разрушитель?

Мысль эта звенела в его сознании, меняя только свое пространственное значение да облекаясь в иные слова и интонации. Привычная шкала тут же пульсирующим шариком указывала плюс или минус, тем самым смещая основное направление поисков. Потому что три остальных эксперта даже не думали оспаривать лидерство в этом вопросе англичанина. Куда он шел после короткого раздумья, туда и они топали следом. Разве что с многократно большим вниманием рассматривали все, что видели вокруг. Причем так рассматривали, что порой офицер сопровождения пытался маячить у них перед глазами. Особенно представителю из России старался закрывать обзор. Что в конце концов не осталось госпожой Монро незамеченным, и она так отшила подполковника несколькими фразами, что тот сник и отстал. Сложилось впечатление, что его вмиг разжаловали до рядового.

И в этом случае Чернов успел уловить изменения в голосе Колобка. На этот раз она не просто злилась или угрожала, а делала это в трехкратно большем размере, чем мог заметить посторонний наблюдатель. Словно давила добавочно на объект своего недовольства какой-то дополнительной мистической силой. Пропадали всякие сомнения в умении ученой фурии руководить огромным и сложным проектом.

Тем временем невозмутимый и осанистый англичанин привел команду в один из центральных залов. Как правило, именно здесь генералы проводили свои торжественные заседания и церемонии вручения наград себе любимым. Естественно, получая эти награды из рук президента. Ведь не всегда подобные отличия становятся достоянием всеобщей гласности.

Причем первый раз странная группа гражданских лиц пересекла зал довольно быстро, почти не останавливаясь. Затем Чарли вернулся обратно и уже обошел зал по периметру. Опять свернули в боковой проход и слегка попетляли по лабиринтам коридоров. Но когда уже в третий раз оказались в одном и том же месте, Ричард Гонтери не выдержал:

– Мистер Бокед! Вам здесь понравился простор или свежий воздух?

– Хм! Не наблюдаю здесь ни того ни другого. – Сыщик долго поворачивался всем корпусом по сторонам и только затем произнес: – Но в этом месте однозначно есть нечто таинственное и тщательно спрятанное. Присмотритесь особенно к этим декоративным колоннам по периметру зала. Чем не кружочки?

Стали и остальные присматриваться. В результате чего возникла оживленная дискуссия:

– Вряд ли это именно то, что мы ищем.

– Тем более что колонны хоть и странно изогнуты, но наверняка внутри залиты бетоном. Иначе не выдержат вес массивной крыши.

– Да и стоят они несколько в ином порядке, чем предполагается на рисунке.

– И где в таком случае те самые боковые концентраторы?

– И стены тоже расположены не так.

– Много чего не сходится.

Бокед развел разочарованно руками:

– Уважаемые! А вы вот так сразу хотели найти все, что нам требуется?! В любом случае мы только предполагаем, что «тот рисунок наиболее близок к искомому гравитационному разрушителю». Следовательно, и кружочки колонн могут стоять как угодно и в каком угодно количестве. А направляющая внутри колонн арматура может служить остовом какого угодно устройства.

– Но где концентраторы? – настаивала на своем Монро. – Без них вряд ли получится преобразовать единую структуру гравитации на выбранном участке.

Здесь уже пустился в рассуждения сам Ричард Гонтери:

– Дорогуша, не забывайте про боковые стены. Если в них уложить определенную металлическую сеть или решетку, то вот вам готовые концентраторы. Останется их только откалибровать по высоте и толщине проводников.

– Ричард! Да вы себе только представьте, какова сложность и себестоимость такой калибровки!

– Ха! Да уничтожение Японии по сравнению с этой ценой – небо и земля. Тем более что мы пока и приблизительно не можем судить о возможностях тех людей, которые пошли на такое преступление.

Монро несколько успокоилась после таких доводов.

– Хорошо, допустим, что мистер Бокед прав. Как мы это проверим?

– Легко! – воскликнул сыщик. – Где та техническая команда, которая ждет вашего распоряжения?

– Где-то здесь, – пожала плечами женщина с явным сомнением. – Но какие задания мы им дадим? В стене наверняка полно железобетона, а столбы в любом случае не полые внутри, чтобы их разрезать и заглянуть туда.

– Да и незачем! Пусть только проверят эхолотами стены да просканируют выбранные вами наугад столбы. Не все, с десяток. Если отыщется что-то системное, то постараемся на полученных данных сделать хоть какие-то выводы.

– Вы так уверены? – все еще не желала звать на помощь команду местных техников Лилия.

– Конечно, не уверен! Но ведь надо же откуда-то начинать?

Пока Монро вызвала специалистов, пока те прибыли и стали разворачивать свое оборудование, Чарли продолжил топтаться по залу, вроде как бездумно посматривая то на потолок, то на мраморные плиты у себя под ногами. Но в один из моментов он специально перехватил мимолетный взгляд русского академика, подмигнул, словно заговорщик, и указал глазами на угловую колонну. Причем указал так многозначительно, что Сергей Николаевич сразу поверил: там внутри что-то есть. Дальнейшее он тоже понял прекрасно, когда Лилия стала вопрошать сыщика:

– Стены начали проверять эхолотами и переносными рентгенами, какие столбы выбираем, мистер Бокед?

– Я ведь сказал, какие вам троим понравятся!

И опять выразительный взгляд на Чернова. Тот понял, что выбор придется делать как бы от своего имени. Если другие не выберут. Да оно и понятно: сыщик их сюда привел, фактически заставил заняться уникальнейшей проверкой, да еще и ткнет всех носом в самое интересное место? Действительно, получится слишком уж подозрительно. Ответственность следовало хоть немножко разделить.

Поэтому Сергей Николаевич указал рукой на все три колонны, расположенные в углу. Причем жестом совершенно безразличным:

– Пусть будут эти!

Затем началась рутинная работа техников Пентагона. Понятно, что никто из них не верил, что странная группа диковинных людей что-то здесь отыщет или что-то откроет. Для них здание во все времена являлось как священным, так и неприкосновенным. Но раз приказ исходит от самого президента, то можно и постараться. В любом случае работа почетная и не слишком обременительная.

Стены оказались вполне обычные. Да, имелась арматурная решетка, но и только. Ни о какой иной структуре или сложной сети и речи не шло. Столбы из железобетона тоже оказались ничем не примечательны. Но спокойствие длилось до тех пор, пока не исследовали тот самый угловой столб. Осмотрели данные, засомневались. Подозвали Ричарда Гонтери и Лилию Монро, проверили результаты уже совместно с ними. После чего забегали курьеры, Колобок потянула свой телефон из сумочки, а техники стали проводить контрольное сканирование. Но и после этого на экране оставалась все та же картинка: в обнаруженной полости лежало тело, предположительно подросткового возраста. И лежало оно, придавленное, скорее всего, бетоном, скрючившись на некоем металлическом приборе величиной с табуретку. Современная визуальная программа компьютерного обеспечения позволяла рассматривать объект со всех сторон, поворачивая как захочется. Поэтому сомнений не возникало. То ли натуральный труп, то ли искусный муляж. По поводу странного прибора пока ничего сказать не могли, хотя баскетбольного роста директор научной

лаборатории все время себе бормотал под нос:

– Кружочки, вернее, трубки или стойки... шесть штук. Хм! И три полоски по сторонам? А ведь очень, очень близко к теме.

Некоторое промедление по принятию конкретных действий получилось из-за позднего времени. Близился первый час ночи. Но вскоре явился лично главнокомандующий, просмотрел изображение на экранах, выслушал консультации специалистов, с подозрением и ненавистью покосился на заморских гостей, но потом все-таки дал команду на вскрытие колонны.

Заработали моторы устройств, завращались пилы и диски, легко прорезающие по отдельности как бетон, так и сталь. Искры, дым, скрежет и визг. Да плюс ко всему неприятная мельчайшая пыль, которую безуспешно пытались сразу прихватить раструбами мощных пылесосов.

Хорошо еще, что конструктивные особенности зала позволяли без риска хоть полностью убрать интересующую колонну. Все-таки крыша покоилась на опорах с тройной гарантией. Да и не пришлось бетонный стержень перерезать полностью. Только и срезали одну сторону да добрались до открывшейся полости. А уж потом пришлось вообще замедлиться с ведущимися работами. Потому что началось всеобщее замешательство, переходящее чуть ли не в грандиозный скандал. И все по той причине, что внутри колонны обнаружили не человека.

Глава десятая

Тело пришельца. Пентагон. Июнь, 2012

Найденное тело принадлежало инопланетному созданию. Естественно, что созданию разумному, если судить по прибору и некоему подобию закрытого комбинезона. Хотя человекообразное подобие просматривалось сразу: две руки, две ноги, туловище с несколько увеличенными пропорциями. Сравнительно круглая голова. Два глаза, сильно выпученные, или, как говорят, навывкате. На этом основное сходство и заканчивалось.

Отличий имелось даже слишком много. Рост этой взрослой, когда-то репродуктивной, как позже выяснилось, особи оказался метр и двадцать четыре сантиметра. Короткие ноги в коленках сгибались в обратную сторону. Бедра и торс скорее напоминали кошачьи. Каждая рука имела по два локтевых сустава и могла, по сути, складываться в любую сторону. Ладонь имела четыре пальца вместо привычных любому человеку пяти. Нижней челюсти и подбородка, как таковых, не было, казалось, что ротовое отверстие находится прямо в центре короткой шеи. Нос, несколько широковатый, имел три отверстия. Ну и всю кожу, кроме как на голове и ладонях, покрывала короткая ярко-рыжая шерстка. Это уже выяснилось после разрезания и уборки некоторых кусочков комбинезона.

Устройство представляло собой колченогий, перевернутый шестью трубками вверх табурет, на сиденье которого сходились под равными углами три бруска чего-то загадочно поблескивающего и опутанного жгутами мельчайших, тонюсеньких проводков. Никаких блоков питания или иных действующих или потухших источников питания рядом не обнаружили. Прибор никак не действовал.

Правда, в руках инопланетное создание держало еще какой-то прибор в виде банального мухомора. В нем тоже не отыскалось и капельки энергии, но по чьей-то спонтанной подсказке сразу прижилось название маленькому прибору: «зонтик». Как и объяснение, для чего тот использовался: для сдерживания над головой нависающей толщи бетона. Потому что хоть тело и казалось вначале сильно придавленным, между ним и застывшей твердью имелось около двух сантиметров свободного пространства, а некая невидимая защита, оградившая существо от расплывания, имела наверху форму того самого «грибочка». То есть сразу и рабочая версия появилась: инопланетянин залез, какого-то дьявола, в полую тогда еще колонну и затаился там, но тут ему на голову строительным насосом плеснули жидкий бетон. Защита выдержала, создала полость и даже продержалась до момента окончательного застывания бетона. Но к тому времени дивный лазутчик уже наверняка умер от недостатка кислорода. Об этом свидетельствовали его выпученные в предсмертных судорогах глаза, да и впоследствии это подтвердилось другими исследованиями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купити: <https://telnovel.com/yuriy-ivanovich/shag-v-propast>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)